
СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, УСЛОВИЯ ТРУДА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В ПЕРЕХОДНОЙ РОССИИ

Л.А.ГОРДОН

Экономические, социальные, культурные права, как следует из Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1), а также из других международно признанных документов, образуют составную часть системы неотъемлемых прав человека. Подобно всем другим правам человека экономические, социальные, культурные права провозглашают фундаментальные нормы, без соблюдения которых в современных обществах нельзя обеспечить социальный прогресс и улучшение условий жизни, осуществить "идеал свободной человеческой личности", гарантировать достоинство, присущее всем членам человеческой семьи, основы свободы, справедливости и мира (2).

Собственно социально-экономические права, о которых идет тут речь, охватывают нормы, касающиеся положения человека в сфере труда и быта, занятости, благосостояния, социальной защищенности и имеющие целью создание условий, при которых люди могут быть "свободны от страха и нужды"(3). Разумеется, в качестве социально-экономических прав человека целесообразно рассматривать не все бесконечное разнообразие правоположений, содержащееся в законах и подзаконных актах, регулирующих сферу труда, быта, социального обеспечения. К ним следует относить лишь наиболее важные из этих правоположений, затрагивающие основы правового статуса личности и устанавливающие, так сказать, рамки, общественно признанные идеалы в этих сферах.

I. Предмет социально-экономических прав и их связь с преобразованием российского общества

1. Своеобразие социально-экономических прав. Первое и второе поколение прав человека

Граница между главнейшими социально-экономическими правоположениями, образующими социально-экономические права человека, и прочими нормативами, имеет очень нестрогий, условный характер. В

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

практических целях можно считать, что основной корпус социально-экономических прав человека в России составляют по преимуществу те из правоположений этого рода, которые содержатся в основных законодательных актах Российской Федерации — Конституции, Декларации прав и свобод человека и гражданина, конституционных законах. К ним примыкают специальные международные акты, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейская социальная хартия, некоторые конвенции Международной Организации труда и т.п.(4).

Из содержания этих актов видно, что исходную базу социально-экономических прав человека в современной России образуют формулировки, провозглашающие цели российского общества и российского государства в социальной сфере. Самая общая из них, как записано в Конституции РФ, — "создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека" (5). Смысл этой конституционной формулы становится еще более очевидным в свете положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, где говорится, что участники пакта (Россия входит в их число) стремятся к достижению "экономического, социального и культурного развития и полной производительной занятости в условиях, гарантирующих основные политические и экономические свободы человека" (6).

Подобная направленность государственной политики и вытекающее отсюда формирование специальных государственных институтов и функций как раз и превращает (вернее, способно превратить) Россию в социальное государство. Применительно к индивиду общая конституционная формула определяет центральное социальное право каждого человека — право на его личное свободное развитие и достойную жизнь, а также право непосредственно пользоваться условиями, которые должно создать для этого государство.

В Конституции и основополагающих международных документах содержатся также положения, показывающие, какие конкретные социально-экономические условия и права имеют в современной ситуации наибольшее значение для обеспечения основных социально-экономических установок общества. Последние, так сказать, конкретизируются в таких положениях с учетом ситуации современного индустриального и урбанистического мира.

В социально-экономических обстоятельствах нынешних обществ особую роль играет комплекс прав, связанных с трудом. К ним относятся права на свободный труд, свободный выбор работы, безопасные и отвечающие требованиям гигиены условия труда, справедливое и удовлетворительное вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации, защиту занятости и т.п. (7).

К трудовым правам примыкает право на отдых, выражающееся сегодня в разумном ограничении рабочего времени, установлении выходных и праздничных дней, оплачиваемых отпусков (8). Фактическим продолжением трудовых прав выступает и право на достойное существование. Оно предполагает, что работнику обеспечивается "такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержа-

ния здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам" (9). В этом смысле права на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей составляют в современных обществах необходимое дополнение права на справедливое вознаграждение за труд (10).

Чрезвычайно существенно также, что демократическая система социально-экономических прав не сводится к государственной защите граждан. Такая система может быть действенной только в том случае, если государственные гарантии ее осуществления подкрепляются и утверждаются социальной самодеятельностью населения, работников в первую голову. В зрелых демократиях с правами, обозначающими социально-экономические идеалы и конкретные социально-экономические блага, которые должны быть доступны нормальному человеку, соседствуют права, гарантирующие людям возможность самостоятельных усилий для реального получения этих благ. Практически право на активное отстаивание принятых социально-экономических норм и идеалов выражается в праве на индивидуальные и коллективные трудовые споры и законные способы их разрешения. В странах, где хозяйственная жизнь строится на фундаменте крупного производства с преобладанием наемного труда, решающее значение в данной связи имеет право создавать для защиты своих социально-экономических интересов профессиональные союзы и другие объединения, заключать коллективные договоры, в необходимых случаях использовать законные средства давления, включая забастовки и пикетирование (11). В наиболее развитых международных документах подчеркивается право организаций работников на получение производственной информации, нужной для определения конкретной меры справедливой оплаты и условий труда в данное время и в данном месте, равно как и более широкое право соучастия в принятии производственно-управленческих решений, затрагивающих непосредственные интересы работников (12).

Уже из этого беглого перечня ясно, что социально-экономические права существенно отличаются от исходных гражданско-политических прав человека, утверждающих базовые свободы — право на жизнь и личную неприкосновенность, на равенство перед законом, на собственность, свободу мысли, совести, убеждений и их выражения, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, проводить мирные собрания и создавать ассоциации, принимать участие в управлении своей страной и т.п. (13).

Очевидно, например, что социально-экономические права человека заметно менее универсальны, нежели права гражданско-политические (14). Меньшая универсальность особенно наглядна в двух отношениях. Во-первых, не вполне универсальна сама сфера их действия. Она исторически и культурно подвижна, пределы ее меняются в социальном времени. В современных индустриальных и постиндустриальных обществах социально-экономические права затрагивают, по преимуществу, область трудовых отношений, уровня жизни и непосредственно связанные с ними сферы.

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

Во-вторых (и это закономерно вытекает из первого ограничения), социально-экономические права в полной мере относятся к экономически активному населению, главным образом, к работающим по найму. Более того, социально-экономические права в их нынешнем понимании имеют смысл почти исключительно в приложении к массе рядовых, нелитерных работников. Для верхушки менеджеров, политической и культурной элиты социальное обеспечение, защита от безработицы, безопасные условия труда или право на здоровое жилище и достойный уровень жизни приобретают критическую важность лишь в исключительных случаях. В современном мире блага, защищаемые социально-экономическими правами, для верхов общества подобны воздуху, который доступен каждому; элиты обладают ими как чем-то само собой разумеющимся, как неперенным атрибутом самого их положения. Социально-экономические права — это, строго говоря, не права человека вообще, но права рядовых людей, трудящихся в традиционном (хотя и не совсем точном) русском словоупотреблении. Конечно, сегодня в развитых странах на долю рядовых работников — трудящихся, даже одних только трудящихся, работающих по найму, приходится основная часть активного населения — никак не менее 60-70%. Но это все же меньше, чем та доля населения, для которой имеют практическое значение гражданско-политические права.

Помимо меньшей универсальности, социально-экономические права отличаются от гражданско-политических еще и меньшей определенностью, несколько меньшей четкостью и жесткостью формулировок. Фундаментом множества ведущих социально-экономических нормативов служат предельно общие и широкие понятия, такие как "справедливость", "справедливый", "достоинство", "достойный", "удовлетворительный", "разумный" и т.п. Понятия эти отражают очень изменчивые, так сказать, текучие явления, крайне трудно определяемые в юридическом смысле. Практическое использование их требует рассмотрения и установления особых критериев, рамок, количественной меры едва ли не в каждом конкретном случае.

Отсюда своего рода "нестрогость" многих социально-экономических прав отнюдь не тождественна абсолютной невозможности их применения. Опыт профсоюзов и правозащитных движений, множество конкретных судебных решений, коллективных договоров и трудовых соглашений свидетельствует, что имеющиеся здесь трудности в принципе преодолимы. Вопреки распространенному мнению (15) трудность определения некоторых ключевых понятий в системе социально-экономических прав не снижает, но, напротив, повышает важность судебных процедур в этой сфере. Как раз суды, опираясь на возможности частных определений, прецедентов и т.п., способны лучше всего использовать трудно поддающиеся дефинициям понятия. В частности, во многих странах именно судебные решения еще в начале века сделали пригодным для применения в практике трудовых отношений такое понятие как "зарплата, обеспечивающая достойное существование" (16). Однако условием преодоления подобных трудностей является, помимо всего прочего, отчетливое понимание своеобразия социально-трудовых прав, обусловленное их органической связью с предельно широкими и относительными понятиями вроде "справедливости" и "достоинства".

Наконец, очень существенно, что в системе социально-экономических прав повышенную роль играет рекомендательное начало. Конечно, права человека во всех своих разделах сочетают элементы директивности, обязательности и рекомендательности. Недаром Всеобщая декларация прав человека призывает считать выраженные в ней права, задачей, "к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства" (17). Однако осуществление социально-экономических прав требует явно большего времени и несравнимо больших материальных ресурсов, нежели обеспечение базовых свобод. Закономерно, что в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах устанавливается обязанность подписавших его государств обеспечивать полное осуществление признаваемых в нем прав постепенно и в пределах имеющихся ресурсов (18). В Международном пакте о гражданских и политических правах оговорка о постепенности отсутствует.

Меньшая универсальность и четкость социально-экономических прав, их во многом рекомендательный, условный (зависящий от ресурсов) и постепенно осуществляемый характер означает своего рода вторичность, производность этих прав сравнительно с гражданско-политическими. Именно последние составляют фундамент естественных прав человека, присущих самой человеческой природе (19). Социально-экономические права надстраиваются на этом фундаменте, развиваются на этой естественной основе. В терминологии правозащитных и социально-просветительных учреждений ООН подобное соотношение выражается через обозначение гражданско-политических прав в качестве первого поколения прав человека, а социально-экономических в качестве второго их поколения (20). (Существует также представление о третьем поколении "коллективных" прав человека, означаемом право человека на социальный и международный порядок, при котором могут осуществляться права человека первого и второго поколения (21)).

2. Общественная роль социально-экономических прав

Из первичности гражданско-политических прав никак не следует, что вторичные, социально-экономические, права играют второстепенную роль в сегодняшнем мире. Тем более трудно согласиться с абсолютным разведением гражданско-политических и социально-экономических прав, при котором последние отождествляются не с правами, а с интересами или привилегиями (22). Неубедительным представляется само противопоставление прав и интересов. Права всегда выражают те или иные интересы. Иное дело, что интересы не всегда оформляются в виде юридически закрепленных прав; такое оформление обычно получают лишь наиболее важные интересы. Права человека также отражают особый тип очень важных человеческих интересов, присущих "природе человека, без которых он не может существовать как человеческое существо. Права человека и основные свободы дают нам возможность полного развития и использования наших человеческих качеств, нашего интеллекта, наших талантов и совести и удовлетворять наши духовные и иные запросы" (23), т.е. интересы.

Будучи в определенном смысле менее важным сравнительно с первым, второе поколение прав человека само по себе чрезвычайно зна-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

чимо. Социально-экономические права человека потому и дополнили гражданско-политические, что государственная защита и общественная самозащита социально-экономических интересов рядовых людей приобрели в современных обществах огромное и растущее значение.

Значимость эта определяется существом социальных отношений, возникающих на базе крупного индустриального производства, городской культуры, всеобщего школьного образования и повсеместного распространения средств массовой информации. Крупное производство, особенно использующее наемный труд, устроено таким образом, что его участники разделяются на две категории, в одну из которых входят собственники, руководители, высшие распорядители-менеджеры, а в другую — рядовые работники, специалисты, низшие руководители. Хотя вторая категория, условно обозначаемая термином трудящиеся, охватывает большинство экономически активного населения, она во многих отношениях социально слабее первой. Собственники и руководители производства в общественных отношениях всегда действуют в качестве представителей некоторой организации (ибо само возглавляемое ими крупное производство уже есть организация). Напротив, рядовые работники, пока не предприняты специальные усилия, образуют совокупность отдельных индивидов, не способных противостоять социально-производственной организации.

Исходное неравенство основных участников ведет к тому, что стихийное развитие крупного производства тяготеет к ограниченному вознаграждению за работу, к экономии на условиях труда и на мерах по защите занятости. Естественным следствием этих тенденций становится медленный рост или даже снижение жизненного уровня трудящихся, усугубляемые расширением пропасти между ними и верхами общества. В наше время отсутствие или стагнация благосостояния воспринимается в стране с городским, образованным и информированным населением как вопиющая несправедливость, как неприемлемая угроза самоочевидным, "естественным" правам и интересам людей. Опасность социального взрыва с неизбежностью вызывает в подобной ситуации. Создание условий, возмещающих стихийное неравенство основных участников социально-трудовых отношений, оказывается поэтому необходимой предпосылкой здорового развития общества, в котором преобладает крупное производство, городская культура и массовая образованность.

Может показаться, что наиболее эффективным способом достижения равновесия и гармонии является прямое государственное вмешательство в производство и социальную жизнь. В идейной и политической практике именно такой подход определял первоначальные попытки ответить на социальный вызов стихийного индустриализма. Однако опыт тоталитарных режимов новейшего времени и в их коммунистических (государственно-социалистических), и в их фашистских (национал-социалистических, государственно-корпоративных) формах - показал, что здесь таятся опасности всеобщего огосударствления. Тот же опыт свидетельствует, что последствия огосударствления много хуже недостатков стихийных индустриальных конфликтов. Уроки XX века состоят, таким образом, в том, что достижение социального оптимума, реально возможного равновесия во взаимодействии участников общественных отношений требует ограниченного, осторожного, чаще косвенного, чем

прямого вмешательства государства в социально-экономическую жизнь. Иными словами, наилучшие результаты дает не тотально-социалистическое или корпоративно-фашистское, но социальное государство, не всеохватывающее директивное планирование, но социально ориентированная рыночная экономика. В ней рыночная свобода сохраняется настолько это возможно, а государственное регулирование осуществляется лишь настолько это необходимо.

Развитие, оформление и утверждение системы социально-экономических прав человека составляет один из главных элементов социальной политики, необходимой для того, чтобы возместить исходное неравенство общественных сил в индустриальном производстве и в то же время избежать опасности тоталитарного огосударствления. Социально-экономические права прямо утверждают только низшие, минимальные пределы социальных нормативов, тот их уровень, который вполне достижим в данное время, и нарушение которого абсолютно нетерпимо. В других случаях эти права соединяют в себе прямое и косвенное влияние. Они непосредственно создают правовое пространство для профсоюзной организации и коллективных действий работников, открывая возможность трудящимся выравнять свой вес во взаимоотношениях с исходно организованными собственниками и руководителями производства. Тем самым формируются возможности и ограничения борьбы участников социально-трудовых отношений по определенным правилам и их партнерства. Однако как будут использоваться эти возможности, зависит от самих участников общественных отношений. Попытки развертывания общественно желательного движения к социальному партнерству посредством прямого давления замещаются здесь косвенным стимулированием, что сразу же и резко уменьшает вероятность чрезмерного огосударствления.

К тому же результату ведет включенность в систему социально-экономических прав положений, характеризующих долговременные идеалы в данной сфере. Перспективная направленность идеальных норм и закономерная широта их формулировок нацеливает социальную политику на реалистический подход, постепенность, учет имеющихся ресурсов и т.п. Одновременно появляется возможность, используя судебные процедуры и толкование норм судами, реализовывать идеалы там и тогда, где для этого появились необходимые условия.

Впрочем, провозглашение принципиально достижимых идеалов в качестве социально-экономических прав человека косвенно улучшает социальное положение и социальные отношения, даже если сами идеальные нормативы могут быть осуществлены только в будущем. При прочих равных их присутствие в системе основополагающих прав способствует укоренению в массовом сознании более высоких представлений о нормальной стоимости рабочей силы, нормальных условиях труда, достойном уровне жизни и т.п.

В более широком смысле, социально-экономические права человека — и это еще один фактор их особой значимости — могут сыграть выдающуюся роль в формировании ответственной социальной идеологии. Простые идеи социальной справедливости и социальной защиты, взятые отдельно или в качестве высших ценностей, превосходящих все остальные, легко оборачиваются идеологией тотального отрицания свободы. Сначала отрицаются экономические свободы и частная собствен-

Л. А. Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

ность, как противоречащие социальной справедливости и не дающие осуществить социальную защиту, а затем подавляются и все остальные свободы — политические, культурные, духовные, — поскольку оказывается, что без отказа от них нельзя уничтожить частную собственность и добиться хотя бы формального, внешнего социального равенства.

Совершенно иначе обстоит дело, если ценности социальной справедливости, равенства, социальной защищенности получают общественное признание в системе прав человека, наряду с другими неотъемлемыми человеческими правами. В такой системе присутствуют, конечно, глубокие противоречия, при которых максимально последовательное осуществление одних прав ограничивает другие. Как известно, абсолютное социальное равенство делает невозможным абсолютно свободное использование способностей, абсолютную свободу труда, имущества, собственности. И наоборот. Но именно в рамках подобных взаимных противоречий и ограничений исчезает (вернее, существенно уменьшается) опасность превращения идей социальной справедливости и социального равенства в идеологию тотальной несвободы. Напротив, появляется возможность формирования на их основе идеологии, в которой признание ответственности общества и государства за социальное положение каждого гражданина сочетается с признанием общественной и государственной ответственности за сохранение политической, экономической, культурной свободы, а осознание обязанности государства обеспечивать право на достойный уровень жизни и социальную справедливость не перерастает в представление о допустимости уничтожения частной собственности и целесообразность всеобъемлющего подчинения общества государству.

3. Особое значение социально-экономических прав в современной России

В России, стремящейся перейти к демократии и социальному государству, социально-экономические права человека и процессы, ведущие к их соблюдению или несоблюдению, приобретают особенно большое значение. Факторы, определяющие важность этих прав во всех индустриальных обществах, сегодня действуют у нас едва ли не сильнее, чем где-либо еще. К тому же сказывается влияние дополнительных обстоятельств, специфичных именно для российских условий.

Так, для России сейчас и в ближайшем будущем характерна заметно более высокая доля людей наемного труда, нежели это бывает в индустриально-развитых странах. В рамках советского государственного социализма в положении наемных работников государства фактически находились почти все занятые (явно более 95% их). Разгосударствление изменило это положение. Но и сегодня в России работает по найму 80-90% экономически активного населения. Правда, очень большая часть их не связана теперь с государством. Но и в частном или полугосударственном секторе подавляющее большинство трудящихся остаются наемными работниками, к положению которых непосредственно относятся все формулировки социально-экономических прав человека. В этом отношении меньшая универсальность второго поколения прав человека проявляется у нас (во всяком случае пока) не столь явно, как в странах классического капитализма.

Впрочем, тот факт, что неуниверсальность социально-экономических прав играет в России относительно меньшую роль, — это, если можно так выразиться, только негативный фактор повышения их значимости: оборотная сторона, другое обозначение того, что условия, обычно снижающие значение таких прав, ощущаются слабее. Тем существеннее, что в российском обществе отчетливо выступают позитивные факторы, прямо увеличивающие важность социально-экономических прав человека.

На первое место тут, пожалуй, надо поставить заметное обеднение едва ли ни большинства населения России в начале 90-х годов. Известное ухудшение жизненных обстоятельств составляет, по-видимому, неизбежную черту системного (трансформационного, или переходного, по выражению С.П.Аукуционека) кризиса, возникающего в смутные времена смены одного общественного строя другим. Но в Российской Федерации и остальных странах СНГ размах кризиса и связанное с ним падение благосостояния оказалось более глубоким, чем в большинстве других обществ, выходящих из госсocialизма. Преодоление тенденций обеднения, социальная защита и социальная помощь беднеющему большинству превратились в центральную проблему социальной политики. Средством юридического, политического, культурно-идеологического обеспечения усилий, направленных на решение этой проблемы, как раз и становятся социально-экономические права человека, их формулирование и конкретизация применительно к российской обстановке, соотнесение с реальной ситуацией, включение соответствующей информации в массовое сознание и общественное мнение, в текущий политический процесс.

Опора российской социальной политики на идеологию и ценности социально-экономических прав человека может стать очень эффективной еще и потому, что она делает более реальной перспективу относительно плавного перехода от государственного и частного социального патернализма к ответственному, демократическому социальному партнерству. Традиции покровительства, упования на социальную заботу со стороны государства и хозяйственного руководства очень прочны в российском массовом сознании, в практике трудовых и более широких социальных отношений. В подобной ситуации маловероятна мирная замена патернализма системой, в которой господствует идеология безоговорочного разведения интересов разных групп и нахождения решений на основе открытой взаимной "торговли" и компромисса интересов. Гораздо больше надежд сохранить социальное спокойствие или хотя бы избежать чрезмерных потрясений дает движение от зависимого патерналистского мироощущения к соединению чисто классового и профессионального сознания с более общей идеологией социально-экономических прав человека.

В таком соединении очень медленный и тяжелый процесс формирования совершенно непривычного для нас, крайне противоречивого взгляда на социальные отношения, как на область ответственности и столкновения преимущественно частных интересов, дополняется и облегчается представлениями об общепризнанных социально-экономических правах и социальной справедливости, поддерживаемых авторитетом государства, социума, всего международного сообщества в целом. В более широком смысле свобода борьбы за индивидуальные, профессиональ-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

ные, классовые интересы и одновременно ограничение этой свободы неотъемлемыми социально-экономическими правами образует один из самых важных устоев социального государства. Подобное сочетание отличает социальное государство, социальное рыночное хозяйство, с одной стороны, от государственного социализма с его всеобъемлющим подчинением человека и группы партии-государству; с другой — от социально безответственного, нерегулируемого, стихийного капитализма.

4. Социально-экономические права и утверждение правосознания в российском обществе

Возможное культурное и идейное воздействие социально-экономических прав в переходной России явно выходит за рамки труда, трудовых отношений, сферы благосостояния. На нынешнем начальном этапе становления российской демократии этот род прав может стать едва ли не главным направлением развития и распространения правосознания в массовой народной среде. Массовое принятие идеологии и ценностей прав человека нигде не происходит мгновенно. Подобные процессы повсюду разворачиваются шаг за шагом, от одного поколения к другому, от более простых норм к другим, более сложным. При этом на Западе, вследствие особенностей его исторического развития, формирование прав человека и их освоение массовым сознанием началось и долго шло преимущественно в области гражданско-политической. Лишь в XX столетии, после того, как гражданско-политические права получили всеобщее распространение, они стали дополняться признанием экономических, социальных и культурных прав. Отсюда, собственно, и упоминавшееся выше представление об этих последних, как о правах второго поколения.

В России, однако, осознание прав человека развивалось существенно иным образом. По понятным причинам долгое время права человека и движение за их утверждение полностью отсутствовало в советском обществе. Как известно, оно зародилось лишь в 60-70-е годы. Появление правозащитного движения в России подобно тому, что происходило в свое время на Западе, началось с борьбы за основные гражданско-политические права, прежде всего за соблюдение законности, гласность, свободу информации. Оказывая огромное влияние на изменение духовного и политического климата в культурных верхах российского общества, в среде российской интеллигенции, сказываясь на состоянии мирового общественного мнения, правозащитное движение не слишком сильно воздействовало на массовое народное сознание. В условиях даже стареющего государственного социализма идеи гражданско-политических прав человека не получали и не могли получить сколь-нибудь широкого распространения в народных низах. Правозащитное движение качественно росло, прямо и косвенно (через международное влияние) способствуя преодолению госсоциализма, но освоение прав человека не становилось действительно массовым. Происходил своего рода рост без расширения, так что сохранялся разрыв между ощущениями народного большинства и правосознанием наиболее развитых слоев интеллигенции и даже отдельных групп либеральной номенклатуры.

После крушения госсocialизма на рубеже 90-х годов массовое правосознание заметно выросло сравнительно с предшествующим временем. Но его абсолютный уровень все еще очень невысок. Более того, распространение правосознания в народной среде идет медленнее, чем меняются многие другие экономические и политические отношения. Отставание массового правосознания образует сегодня одно из главных препятствий становления российской демократии. Оно затрудняет формирование гражданского общества, лишает социальной опоры нравственно зрелую, ответственную часть социально-политической элиты, создавая среду, где, наоборот, прекрасно чувствуют себя наиболее циничные и аморальные представители верхов. Ускоренное развитие массового правосознания, его движение именно вширь, укоренение в системе ценностей рядового человека становится сейчас необходимой предпосылкой успеха российских преобразований. От быстроты этих процессов в немалой степени зависит, возникнут ли у нас цивилизованные рыночно-демократические порядки уже в обозримом будущем или еще долгое время будет преобладать дикая рыночная стихия с характерным для нее господством примитивного и вульгарного чистогана, коррупции, беззакония.

Однако ускоренное распространение идеологии прав человека, особенно в обществе, где все правовые традиции очень слабы и непрочны, представляется делом крайне сложным, если вообще возможным. Во всяком случае, повторение обычной, пройденной Западом последовательности — от освоения фундаментальных гражданско-политических прав к последующему утверждению прав экономических, социальных, культурных, — займет (как это и было в Европе и Америке) время жизни нескольких поколений, т.е. период более продолжительный, чем тот, что отпущен нам историей.

В такой ситуации лучшие надежды сулит перемена последовательности. Наибольшие возможности открывает стимулирование с самого начала одновременного развития гражданско-политических и социально-экономических прав человека, может быть, даже особый упор на эти последние.

Рядовой человек сталкивается с социально-экономическими проблемами, с конфликтами трудовых отношений и благосостояния повседневно. Он отчетливо понимает их непосредственное содержание и насущную значимость. Соответственно, здесь легче перейти от ощущений конкретного случая к осознанию общеправовых принципов, в том числе принципов фундаментальных, из которых складываются социально-экономические права человека. В свою очередь, укоренение социально-экономических прав в массовом сознании явится основой для освоения гражданско-политических прав.

К тому же, если традиции гражданско-политических прав личности относительно слабы в российской культуре, то традиции социальных прав и социальной защиты в ней как раз прочны и общепризнаны. По крайней мере, судя по материалам специального обследования 1994 года заметно большая доля россиян чаще придает первостепенное значение конституционным гарантиям в области социально-экономических, а не гражданско-политических прав и свобод. Все упомянутые в Конституции социально-экономические гарантии 70-90% опрошенных считают

Л.А. Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

первостепенными, тогда как многие гражданско-политические права относят к первостепенным лишь 20-60% (см. табл. 1).

Таблица 1.
Оценка значимости конституционных гарантий прав и свобод населением России в 1994 году

Преимущественно гражданско-политические права и гарантии	Доля опрошенных, считающих, что данное право имеет первостепенное значение (%)	Преимущественно социально-экономические права и гарантии	Доля опрошенных, считающих, что данное право имеет первостепенное значение(%)
1. Право на судебную защиту	96	1. Право на социальную защиту (охрану здоровья, материнства, пенсионное обеспечение, образование и т.д.)	96
2. Право на неприкосновенность личности и имущества	95	2. Право на справедливое вознаграждение за труд	89
3. Право на свободный выбор места жительства	63	3. Гарантии от необоснованного увольнения	70
4. Право на частную собственность	54		
5. Право получать и распространять информацию	49		
6. Право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой	30		
7. Право участвовать в деятельности любой политической партии, движения и т.п.	23		

Источник: И.Б.Михайловская, Е.Ф.Кузьминский, Ю.Н.Мазаев. Права человека в массовом сознании. М., 1995 (Проектная группа по правам человека), с. 25.

Не исключено, таким образом, что в России социально-экономические права станут спусковым механизмом и ускорителем массового распространения идеологии прав человека и правосознания в целом. Знаменательно в этой связи, что убеждение в особой значимости социально-экономических прав вследствие того, что они могут явиться в России каналом роста правосознания, получает в 90-е годы все большее влияние в независимом правозащитном движении, в том числе в таких его авторитетных центрах, как Московская хельсинская группа (24).

II. Противоречия социально-правовой ситуации в России 90-х годов. Прогресс и деградация

5. Факторы, обуславливающие противоречия социально-правовой ситуации

Представление о своеобразии экономических и социальных прав человека важно не только потому, что без него трудно понять, в чем именно состоят эти права, какое место занимают они в целостной системе прав человека, почему так велика их роль в современной России. Кроме того, именно с учетом особой природы социально-экономических прав можно судить о степени их соблюдения или несоблюдения, равно как и об общих тенденциях изменения социально-правовой ситуации; только при таком условии появляется основание для сколько-нибудь реалистической оценки, политических и юридических мер, направленных на то, чтобы улучшить положение. Особенно важны здесь два момента.

Во-первых, конституционные нормы социально-экономического характера, провозглашающие свободу труда, его справедливую оплату, достойный уровень жизни и тем более самоорганизация для защиты и развития этих норм, превращаются в социально-экономические права человека лишь после утверждения устоев демократии. Пока в обществе нет хотя бы исходных демократических свобод и установлений, пока отсутствуют суды, свободные организации граждан, свободы слова и информации, самые развитые социально-экономические нормативы остаются, по преимуществу, фальшью и формальностью. Даже если они в какой-то своей части соблюдаются, такое соблюдение вне демократии оказывается не правом человека, но "милостью", "благоденствием" государства.

Подобное благоденствие может быть даровано, однако оно может быть и отобрано, когда власть сочтет это целесообразным. Недаром в документах и административном словоупотреблении советского времени речь всегда шла о расходах государства, о благах, предоставляемых народу за счет государства, как будто государство наравне с людьми создает какие-то собственные блага и имеет какие-то средства помимо тех, что оно изымает у граждан. Лишь когда демократия ограничивает произвол и дает членам общества законные механизмы самозащиты через суд, гласность, регулярные выборы, профессиональную самоорганизацию, — только тогда конституционные социально-экономические декларации становятся социальными и экономическими правами. В этом смысле социально-экономические права человека есть производное от гражданско-политических прав. Они могут развиваться после или одновременно с этими последними, но никак не прежде, чем начинается становление хотя бы первичных гражданско-политических прав. И наоборот, если в жизни происходит утверждение гражданско-политических прав, а в обществе присутствуют — пусть формальные — конституционные социально-экономические декларации, практически неизбежно начинается процесс постепенного перехода деклараций в права, которые граждане пытаются отстоять и реализовать.

Во-вторых, чрезвычайно большое значение имеет историческая и культурная обусловленность социально-экономических прав. Как отме-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

чено выше, эти права органически связаны с меняющимися по мере эволюции общества понятиями "справедливости", "достоинства", "нормальности" и т.п. Соответственно, конкретный объем и конкретное содержание социально-экономических прав в несравнимо большей мере, чем права гражданско-политические, зависят от социально-культурного уровня общества, да и просто от тех ресурсов, которые имеются в его распоряжении.

Зависимость от ресурсов и уровня массового сознания делает развитие социально-экономических прав в определенных отношениях делом более сложным, чем формирование гражданско-политического правосознания. Разумеется, обе сферы ("поколения") прав человека — и гражданско-политические, и социально-экономические — так или иначе связаны с состоянием общественного сознания. Эта связь и тут и там зачастую рождает противоречия, обусловленные возможными расхождениями в состоянии массового сознания и государственно-политических порядков, господствующих в том или ином обществе, в то или иное время. В частности, история дает множество примеров, когда массовое сознание как бы опережает уровень реальной политической системы. Признание прав человека уже распространяется во многих общественных сферах, тогда как авторитарно-диктаторская власть препятствует их осуществлению. Не исключены и обратные ситуации, при которых демократические перевороты создают политическую возможность осуществления прав человека, но неразвитость массового сознания приводит к тому, что народное большинство не осваивает, не реализует эту возможность или осваивает и реализует ее лишь в очень малой мере. Впрочем, чаще всего оба разрыва проявляются одновременно — у одних групп населения уровень правосознания требует большего, чем допускает существующая система, у других — сознание таково, что им непросто использовать и те возможности, которые уже имеются в общественной жизни. Именно так обстоит дело в сегодняшней России.

Однако из природы социально-экономических прав вытекает вероятность появления еще одного типа противоречий. В сфере экономических и социальных прав помимо разрыва между сознанием и политической системой возможен также разрыв между сознанием и социально-экономическими ресурсами общества. Иными словами, не исключена ситуация, когда большинство членов общества признает и ощущает свободный труд, справедливое вознаграждение за него, достаточное для обеспечения достойного уровня жизни и т.п., в качестве своих основных естественных прав, а реальных экономических условий для осуществления этих прав нет. Подобный разрыв оказывается особенно опасным, если он осложняется одновременным ростом демократии, прогрессом гражданско-политических прав, в отношении которых недостаток экономических ресурсов не обязательно оказывается столь же непреодолимым препятствием, как это бывает с социально-экономическими правами.

Исторически, правда, опасность разрыва между социально-экономическими притязаниями и социально-экономическими ресурсами возникает не слишком часто. Дело в том, что сами потребности и запросы растут под влиянием развития общества, прогресса его культуры, экономики, социальных отношений. Поэтому и конкретная мера благ,

ощущаемая большинством населения как основное человеческое право, обычно кардинально не отличается от того, что фактически может быть достигнуто в данное время и в данном месте. По крайней мере, противоречия между готовностью массового сознания принять гражданско-политические права человека и террористически-диктаторской властью, подавляющей такие права, возникают гораздо чаще, (разумеется, еще чаще встречаются авторитарные режимы, чья власть поддерживается помимо всего прочего тем, что у народного большинства еще не утвердилось гражданско-политическое правосознание).

Тем не менее в определенных исторических условиях отрыв массовых социальных притязаний, массового понимания социально-экономических прав от объективных возможностей достигает серьезных масштабов. К несчастью, подобная ситуация сложилась сегодня в России. Решающее значение в этой связи имеет глубина переходного кризиса в нашей стране.

**6. Ресурсная зависимость социально-экономических прав.
Неполнота их осуществления в условиях переходного
кризиса**

Здесь не место разбирать, можно ли было избежать масштабных потрясений, которые пережила Россия в 90-е годы. Обусловленность некоторых из них — чеченской войны, в первую очередь, — безумием и безответственностью политиков очевидна. Но столь же ясна объективная, не зависящая от поступков отдельных людей природа других наших тягот. Похоже, что осуществить слом общественных порядков и провести преобразование экономической системы без глубокого кризиса и экономических потерь было невозможно, хотя ошибки и слабости руководителей вкупе с нравами, культурой, массовым поведением народа заметно усугубили положение.

Так или иначе, на протяжении первой половины 90-х годов валовой внутренний продукт при практически неизменном населении уменьшился больше, чем на треть, и составил в 1995 году только 62 % от уровня 1990 года (25). Стремительное снижение жизненного уровня и общее обеднение массы населения явилось закономерным следствием резкого спада производства. При этом масштабы экономического спада вообще и ухудшение благосостояния, в частности, вышли за пределы снижения, которое может быть возмещено немедленно. У России сегодня нет ресурсов, чтобы полностью восстановить жизненный уровень конца 80-х годов раньше, чем через одно-два десятилетия, а то и позже.

Между тем, как бы глубок ни был кризис, и сколь чувствительно ни ударил бы он по условиям повседневного существования, все эти перемены практически не снизили (и не могли снизить) привычные запросы и потребности народного большинства. Скорее наоборот, демократизация, гласность, расширение связей с Западом привели к дальнейшему росту массовых притязаний. В итоге у нас сложилась та исторически не слишком часто возникающая ситуация, когда уровень привычных потребностей оказался на многие годы как бы оторванным от уровня реальных экономических возможностей страны. То, что ощущается большинством населения России как его естественное право, объективно не

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

может быть реализовано сейчас или в обозримом будущем. Вместо некоторого — нормального и обычного — опережения социальных и культурных запросов сравнительно с экономическими ресурсами образовался глубокий разрыв между ними. В конечном счете, глубина социально-экономического кризиса, сопровождающего крушение государственного социализма, наложившись на особую природу социально-экономических прав (историческую относительность и ресурсную зависимость), сделало их развитие в 90-е годы крайне противоречивым, соединяющим в себе эволюционный прогресс и инволюцию, развитие и деградацию, откат в прошлое. В этом отношении движение социально-экономических прав оказалось более сложным и противоречивым, нежели изменение гражданско-политических прав человека.

Противоречивость изменения основных гражданско-политических прав проявляется в России 90-х годов, главным образом, в неполноте и непоследовательности их прогресса. Устранение политической системы государственного социализма, разрушение карательных и идеологических механизмов партийного государства, конституционное признание легитимности основных демократических свобод, — все это открыло путь утверждения важнейших гражданско-политических прав. С конца 80-х годов наша страна движется по этому пути.

Вследствие сочетания множества объективных и субъективных обстоятельств утверждение и расширение гражданско-политических прав человека происходит не слишком быстро. В некоторых отношениях оно замедляется, а то и прекращается. Во многих сферах власть нарушает главнейшие права человека, в других случаях традиции безоговорочного подчинения власти и общая неразвитость правосознания оборачиваются тем, что само народное большинство не использует имеющиеся возможности, в сущности отказывается от своих прав. В итоге, прогресс гражданско-политических прав оказывается частичным, отрывочным, противоречивым, подчас он замедляется, временами стопорится. Но так или иначе, ситуация с гражданско-политическими правами человека — первым и основным поколением прав человека — не становится существенно хуже, чем она была в советские времена. Все, что угнетает нас в этой сфере, включая ужас братоубийственной чеченской войны (а также многое другое, от чего удалось избавиться) было характерным и для тоталитарной госсосоциалистической системы.

Иначе обстоит дело с соблюдением социально-экономических прав. Преодоление госсосоциализма и здесь открыло перспективу прогресса. Равным образом тут, как и в отношении гражданско-политических прав, прогресс имеет неполный, противоречиво-частный характер. Силы, господствующие в современной российской экономике — государственные и частные собственники, подобно политической власти, стремятся ограничить применение идеологии прав человека; трудящиеся также умеют освоить и использовать социально-экономические права не многим чаще, чем гражданско-политические.

Однако сверх того, экономический кризис создает предпосылки прямого ухудшения ряда составляющих социально-экономического положения трудящихся. Конечно, одновременно, многое в жизненной обстановке народного большинства улучшается. Но для понимания специфики противоречий в социально-экономической сфере и в социально-экономических правах (по сравнению с гражданско-политической сфе-

рой и гражданско-политическими правами) важно именно присутствие рядом с положительными переменами сдвигов, которые ставят огромные слои населения в более тяжелые условия, нежели те, что преобладали в прошлом.

В современной России противоречия гражданско-политической ситуации и связанных с нею прав определяются сочетанием значительных позитивных перемен (относительно госсocialизма) с недостаточностью этих перемен и даже полным сохранением прежних порядков. Что же касается противоречий социально-экономического положения и социально-экономических прав, они порождаются соединением неравномерных (быстрых и медленных) позитивных изменений одних жизненных обстоятельств со стагнацией других и негативными переменами в третьих. Сохранение и продолжающийся рост потребностей, многие из которых ощущаются десятками миллионов людей как естественное право, делают эти негативные сдвиги особенно тягостными.

Заметим попутно, что из наличия в социально-экономической сфере прямых ухудшений (сравнительно с советской эпохой) и их отсутствия в сфере гражданско-политической, отнюдь не следует, что нарушение прав человека в этой последней имеет второстепенное значение. Как уже говорилось, ситуация с исходными гражданско-политическими правами в решающей мере определяет положение с правами человека в целом. Представление об особой сложности и противоречивости процессов, влияющих на развитие социально-экономических прав в современном российском обществе, важно потому, что оно намечает логику их рассмотрения и анализа. Понятно, что проблемы, связанные с неравномерностью позитивных сдвигов, требуют иных подходов, нежели изменения, ведущие к абсолютным ухудшениям.

Точно так же другая сторона усложненности социально-экономических прав — их обусловленность ресурсами — во многом определяет прогноз дальнейшего развития и выбор наиболее перспективных направлений и форм правозащитной деятельности в социальной сфере. Особое значение при этом приобретает различие тех направлений развития социально-экономических прав, на которых объективно возможно продвижение в обозримом будущем, и тех, где улучшения сейчас маловероятны.

Говоря о таком различии в самом обобщенном виде, стоит отметить перспективность сравнительно быстрой реализации социально-экономических прав в отношении свободы труда и свободного объединения трудящихся для отстаивания своих интересов. Наоборот, право на оплату труда, достаточную для обеспечения достойного уровня жизни может воплотиться в действительность (пока не преодолены условия переходного кризиса) лишь в ограниченной мере. Разумеется, при более детальном рассмотрении подобное различие дробится и теряет абсолютность. И в части свободы труда и трудовых отношений, и в области гарантий благосостояния и занятости имеются предпосылки как для расширения, так и для сокращения социально-экономических прав. Противоречивость, разнонаправленность характерна для всех процессов, протекающих в этой сфере. Но при всем том возможности в соблюдении социально-экономических прав человека больше, а реально происходящие перемены благоприятнее, когда они касаются свободы

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

труда, и меньше, если это относится к сдвигам в оплате труда и благосостоянии.

III. Социально-экономические перемены с преобладанием процессов развития социальных и экономических прав

7. Утверждение основ свободы в трудовых отношениях. Появление реальных профсоюзов. Забастовки

События последних лет с несомненностью подтверждают разнонаправленность развития социально-правовой и фактической ситуации в сфере социально-экономических прав человека. В этой сфере отчетливо выделяются процессы, в которых преобладают позитивные начала, и сдвиги, где положение скорее ухудшается, чем улучшается.

Наиболее очевидный прогресс достигнут в отношении права создавать профсоюзы и защищать с их помощью интересы в трудовых спорах, используя многообразные законные способы их разрешения, включая забастовку. Общим условием этого прогресса явилось изменение общественной атмосферы в 90-е годы сравнительно с положением, существовавшим в предшествующем десятилетии (не говоря уже о более ранних временах). Россия заметно продвинулась по пути преодоления тотального огосударствления экономики. Устранены или, по крайней мере, радикально ограничены возможности вмешательства в трудовые отношения карательно-полицейских органов. В общественном сознании подорвано (хотя и не уничтожено) влияние тоталитарной идеологии, в политической практике утверждены первичные устои демократических свобод.

Применительно к праву создавать профсоюзы и вести трудовые споры изменение общественной атмосферы во многих отношениях было условием не только необходимым, но и начально достаточным. В советском праве и ранее существовали положения, давшие формальную основу для профсоюзной деятельности. Эти положения, правда, не были рассчитаны на практическое осуществление. Однако изменение общественно-политической обстановки в стране как бы оживило, "разморозило" подобные положения, сделав возможным их использование в качестве правовой основы для развития настоящей правовой активности.

Дальнейший прогресс в юридическом обеспечении профсоюзных прав был связан с рядом поправок, внесенных на рубеже 90-х годов в старые законы, и некоторыми президентскими указами этого времени. Через несколько лет был разработан и в 1995-1996 гг. принят целый корпус новых законов и указов, регулирующих деятельность профсоюзов, трудовые споры, забастовки, коллективные договоры и т.п. Профсоюзные деятели видят в этих актах определенные недостатки и ущемления своих прав. Однако при всей справедливости многих нареканий, они, по большому счету, не имеют принципиального характера. Законодательство середины 90-х годов в основных своих формулировках вы-

ражает и закрепляет общепризнанные права человека в отношении самоорганизации трудящихся, профсоюзов, забастовок.

Еще важнее, что перемены не ограничиваются совершенствованием законодательства. Главное в том, что немалая часть российских граждан сумела освоить новые возможности и на деле осуществить право на профессиональное объединение и коллективные действия. С рубежа 90-х годов в стране впервые после полувекового перерыва идет формирование подлинных профсоюзов, и работники начинают фактически использовать право на забастовки и заключение настоящих коллективных договоров (26).

Спору нет, создание профессиональных союзов отличается в России определенным своеобразием. Оно обусловлено в первую очередь тем, что на протяжении десятилетий у нас существовала особая часть партийного государства, которая также называлась профсоюзами. В действительности это были, конечно, псевдопрофсоюзы, вполне функциональные в рамках огосударствленной экономики, приносившие пользу не только власти (это главное), но и в определенном смысле и рядовым работникам. Однако учреждения, называвшиеся советскими профсоюзами, никогда не были добровольными объединениями работников, выражающими и защищающими интересы своих членов. Некоторые элементы этой структуры и в новых условиях сохранили (а то и усилили) свою связь с работодателями. Часть профкомов, особенно на крупных предприятиях, стали теперь специфическими органами заводской администрации, подразделением менеджмента по социальному обслуживанию и трудовым отношениям.

Однако в большинстве случаев происходит иная эволюция — прежние официальные профсоюзы, потеряв свое положение в партийно-государственной системе, все больше ориентируются на защиту интересов наемного труда, постепенно превращаясь в настоящие трудюнионы. Формальный роспуск ВЦСПС и создание ФНПР — проявление этого процесса. Вместе с тем надо сказать, что изменение природы прежних государственных псевдопрофсоюзов еще очень далеко от завершения. Организационно никакого размежевания между теми старыми профсоюзными структурами, которые из особой части аппарата власти становятся особой частью менеджмента, и теми, которые постепенно приобретают независимость, не произошло. Более того, зачастую такое размежевание не осознается ни идейно, ни психологически. Председатели профкомов, потеряв даже ту видимость самостоятельности, которую раньше давала им опора на стоящие выше менеджмента эшелоны партийно-профсоюзного аппарата, и став очевидными помощниками директоров, продолжают считать себя (нередко вполне искренне) руководителями профсоюзов.

С другой стороны, и в высшем руководстве, и в массовом активе реально меняющихся профсоюзов ФНПР очень слабо ощущение своей роли независимых представителей наемного труда и сильно традиционное представление об абсолютном единстве интересов работников и работодателей. Размывание этого представления, помимо общей инерции сознания, дополнительно затрудняется объективной ситуацией еще только формирующихся рыночных отношений и общего кризиса, общей нестабильности, характерных для перехода от одной общественной системы к другой. Большинство российских предприятий находится если

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

не в условиях "первоначального накопления", то во всяком случае, в обстановке своего рода "первоначального утверждения" на рынке. Они завоевывают исходные позиции в конкурентной борьбе, в огромной мере зависящие от того, что удастся тому или иному предприятию (группе предприятий) захватить из прежней госсобственности, какие права и возможности оно получит во взаимоотношениях с государственными институтами, органами налогообложения, кредита, внешней торговли.

В этой ситуации интересы трудовых коллективов (наемных работников) и менеджмента (становящихся хозяев, работодателей) в их взаимоотношениях с государством и вообще с внешними по отношению к предприятию субъектами рынка во многом совпадают. Такое совпадение имеется в любых обществах, где существует крупное производство, но в обстановке "первоначального утверждения" рынка оно сказывается несравнимо сильнее, чем в стабильном, устоявшемся рыночном хозяйстве. Соответственно наемным работникам на начальной стадии рыночного перехода в сопоставимой мере присущи двоякие интересы: интересы взаимоотношений с непосредственными работодателями по поводу тех благ, которые производятся и распределяются на предприятии, и интересы взаимодействия с внешними субъектами, противостоящие предприятию как целому. Как бы ни развивались взаимоотношения первого рода — конфликтно, компромиссно, партнерски — это объективно будут отношения групп с разными интересами. Напротив, во взаимодействиях второго рода у наемных работников и их непосредственных работодателей преобладают общие интересы, отличные от интересов государства и конкурентов.

Пока оба типа взаимоотношений, как это бывает на начальных стадиях рыночного перехода, имеют более или менее равное значение для наемного труда, профсоюзы в своей деятельности неизбежно будут отражать заинтересованность работников как в самостоятельном противостоянии работодателям на предприятии, так и в совместном с работодателями противостоянии государству и иным субъектам вне предприятия. Старые профсоюзы всей своей прежней деятельностью, всеми традициями, характером своих кадров гораздо лучше подготовлены к совместным действиям с администрацией в отстаивании общих интересов трудовых коллективов, чем к противостоянию работодателям внутри предприятий.

Поэтому о прежних государственных профсоюзах, в основной массе входящих в ФНПР, правильнее пока что говорить не как о вполне зрелых, сформировавшихся тред-юнионах, но скорее как о полупрофсоюзах, становящихся профсоюзах, специфических профсоюзах переходного времени. Появление таких образований — свидетельство чрезвычайно важных позитивных сдвигов, однако оно же — знак того, что старые профсоюзы еще не полностью отделились от менеджмента и его социальных служб.

В условиях, когда прежние госпрофсоюзы превращаются в настоящие лишь постепенно и практически еще плохо приспособлены отстаивать интересы наемных работников во взаимоотношениях с директорами и администрацией внутри предприятий, закономерным становится создание наиболее сознательными, самоотверженными рабочими и служащими (обычно прошедшими через участие в крупных забастовках) совершенно новых профсоюзов, генетически никак не связанных со

старыми. Крайне низкая популярность бюрократии и аппарата старых профсоюзов, где сконцентрировались самые слабые, наименее уважаемые представители номенклатуры (ее "отсевки"), дополнительно усиливала в рабочей среде тягу к образованию новых профсоюзов. Наиболее влиятельные из них — Независимый профсоюз горняков, Соцпроф, профсоюзы лётного состава и авиадиспетчеров, машинистов, профсоюз "Защита", Конфедерация свободных профсоюзов России (ныне — Национальное объединение Российских профсоюзов), некоторые региональные образования. Исторически создание новых профсоюзов произошло раньше, чем стала изменяться природа старых; более того, именно появление новых профсоюзов и стремительный рост их влияния заставили руководство старых начать перемены. Новые профсоюзы, несмотря на кратковременность их деятельности (около 5 лет), в большинстве случаев уже сейчас являются несомненными тред-юнионами, опережая в этом отношении старые полупрофсоюзы.

Помимо появления подлинных профсоюзов фактически свидетельством расширения начал равенства в трудовых спорах и утверждения права на самозащиту работников выступает распространение практики забастовок, пикетирования, других коллективных действий во многих регионах и отраслях народного хозяйства (см. табл. 2). Начиная с 1989 года в России ежегодно происходило по несколько сотен, а то и тысяч официально признанных забастовок; каждый год в стачках участвовало, считая округленно, от 100 до 500 тысяч человек (27).

Таблица 2

Забастовки в первой половине 90-х годов

Годы	Число предприятий и учреждений, на которых происходили забастовки	Число участников забастовок (тыс. чел.)	Потери рабочего времени во время забастовок (тыс. человеко-дней)
1990	260	100	208
1991	1755	238	2314
1992	6273	358	1893
1993	264	120	237
1994	514	155	755
1995	8856	489	1367

Источник: Уровень жизни населения в России, 1996. Статистический сборник. М., Госкомстат России, 1996, с. 30.

Демонстрационный эффект телевидения многократно умножает воздействие забастовок, так что о них знают десятки миллионов людей. Многие из них начинают ощущать стачку в качестве своего права. В репрезентативных опросах, представляющих взрослое население России, около 10% всех опрошенных и 15-20% рабочих говорят о готовности лично участвовать в забастовках (28). При оценке роли забастовок в процессе укоренения прав человека важно подчеркнуть их высокую организованность. До сих пор (эти строки пишутся в середине 1996 года) подавляющее большинство стачек протекало у нас в мирных и законных формах. В отличие от того, что бывало на ранних стадиях профсоюзного движения на Западе (да отчасти бывает и теперь), во время забастовок

Л. А. Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

в России, как правило, не бывает ни выбитых стекол, ни выбитых зубов, не говоря уже о крови. Наши забастовки в большинстве случаев — не проявление социальной стихии, но гораздо чаще — средство ее организации и цивилизации. Насилие, связанное с забастовками, пока что остается у нас исключением, а не правилом (хотя появляются отдельные тревожные симптомы, о которых будет специально сказано ниже).

8. Нарушения профсоюзных прав. Случаи преследования активистов. Ущемление новых профсоюзов

Явный прогресс в социально-трудовых отношениях, утверждение профсоюзных прав, расширение начал свободы и равенства в трудовых спорах не означают, однако, что все эти процессы протекают в сегодняшней России бесконфликтно и непротиворечиво. При общем преобладании позитивных сдвигов рабочим активистам и миллионам рядовых работников то и дело приходится сталкиваться с нарушениями свободы профессиональных объединений и права на коллективные действия в защиту своих интересов.

Поскольку старые профсоюзы по причинам, о которых шла речь выше, зачастую избегают конфликтов с администрацией своих предприятий, ущемление профсоюзных прав по большей части касается новых объединений трудящихся. Тем более, что молодость и относительная слабость многих новых союзов, равно как и весь непривычно независимый стиль поведения их руководителей, подталкивает администрацию к попыткам подавить деятельность таких союзов. Судя по сообщениям печати и письмам профсоюзных активистов, наибольшее распространение имеют три основных рода давления на новые профсоюзы (29).

Пожалуй, наиболее серьезная разновидность такого давления — стремление запугать и выжить с предприятия руководителей новых профсоюзных организаций. В некоторых случаях — и это опаснее всего — стимулируются действия, непосредственно угрожающие личности активистов, их свободе, жизни и здоровью. Правда, типичные для прошлого приемы, связанные с использованием связей и влияния работодателей в местных силовых структурах (милиция, прокуратура), встречаются теперь скорее в виде исключения, нежели правила. Тем не менее в 1994-1996 гг. известно несколько случаев обысков и задержаний руководителей новых профсоюзов. Обычно дело не доходит до суда, но самый факт "привода" в милицию в реальных российских условиях, особенно в небольших поселках или городках, составляет мощное средство запугивания и дискредитации.

При всем том практика прямой опоры на органы власти сходит на нет — рост законности и правосознания в российском обществе все-таки не совершенно пустой звук. Поэтому все большее распространение в трудовых отношениях, как и в других сферах общественной жизни, получает использование преступных, незаконных средств "неофициального" давления. Вот характерные примеры, получившие огласку в последние годы.

В июне 1994 года после того, как независимый горняцкий профсоюз шахты "Красный Кузбасс" (Кемерово) стал разоблачать махинации ди-

ректора, на председателя профсоюза А.Михайчика было совершено покушение. В августе 1994 года сходное покушение было организовано на В.Финогенова, профсоюзного активиста другой кузбасской шахты "Березовская", также пытавшегося докопаться до сути финансовых злоупотреблений администрации. Накануне судебного процесса, связанного с действиями директора одного из новосибирских институтов, подвергся избиению председатель профкома института Н.Вдовин. 2 сентября 1994 года председателя свободного профсоюза завода "Автодизель" в Ярославле Л.Афанасьева избили так сильно, что он не смог посетить собрание акционеров, где намеревался выступить с критикой дирекции. Вероятно, в этом и состояла цель избиения.

2 февраля 1995 года аналогичным образом был избит профсоюзный активист в Воронеже: здесь пострадал Р.Хизер — председатель регионального совета объединения "Соцпроф". В октябре 1995 года в г. Орехово-Зуево нападению подверглось жилище одной из руководящих объединений "Соцпроф" Н.Семененко. Угрозам и оскорблениям подверглась также ее престарелая мать.

В 1996 году дважды покушались на жизнь известного деятеля альтернативных профсоюзов — председателя действующего на АвтоВАЗе союза "Единство" — А.Иванова. В мае его ударили кастетом по голове, в августе — тяжело ранили выстрелами из пистолета. По мнению руководства "Соцпрофа", куда входит возглавляемый А.Ивановым профсоюз, нападения вызваны его успешными действиями против администрации. Под руководством А.Иванова рабочие добились значительного повышения зарплаток и их регулярной выплаты.

На фоне физических угроз, избиений, попыток убийства и т.п. случаи "простого" ущемления трудовых прав активистов новых профсоюзов выглядят почти безобидными. Однако многочисленность таких ущемлений, а также то обстоятельство, что у подавляющего большинства деятелей свободных профсоюзов нет других источников доходов кроме заработной платы (очень немногие из них являются освобожденными работниками), делает угрозу увольнения и всевозможные ограничения заработка очень серьезной формой воздействия на профсоюзных активистов.

Наряду с давлением на руководителей новых профсоюзов распространенной формой нарушения профсоюзных прав альтернативных объединений работников стали в последние годы попытки отказать рядовым членам новых союзов в благах, обычно предоставляемых предприятиями. Хотя подобные ограничения абсолютно незаконны и, в конце концов, их, как правило, отменяют, выдвинутые в качестве угрозы (даже слуха) в момент, когда альтернативный профсоюз только зарождается, они могут стать серьезным препятствием на пути его роста. Именно так обстояло дело на Воронежском авиастроительном объединении, где представители администрации заявили, что работникам, которые вступают в новый профсоюз "Илья Муромец", не будут предоставляться садовые участки и выгодные путевки. На дискриминацию жалуются и члены свободного профсоюза Череповецкого металлургического комбината (АО "Северсталь").

Наконец, прямое и также широко распространенное беззаконие связано с отказом работодателей признавать новые профсоюзы, вести с ними переговоры и заключать коллективные договора. Обычно хозяй-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

ственная администрация ссылается при этом на наличие старых профсоюзов, хотя в большинстве случаев такая ссылка не имеет законной силы. Тем не менее зачастую неопытные и непривычные действовать в судебных инстанциях работники новых профсоюзов теряются и оказываются в очень трудном положении. Иногда официальное признание не могут получить и те профсоюзы, которые в других отношениях прочно утвердили свое существование. Например, всероссийски известный профсоюз локомотивных бригад железнодорожников вынужден был добиваться признания в течение нескольких лет.

Спору нет, ущемления профсоюзных прав, подобные упомянутым, типичны для профсоюзов во всем мире. Но, во-первых, от этого они не перестают быть незаконными, а во-вторых, — и на это стоит обратить особое внимание — подобные нарушения, в отличие от многих других социально-экономических тягот, могут быть устранены в самом ближайшем будущем. Здесь отсутствуют непреодолимые объективные препятствия вроде тех, что не позволяют надеяться на немедленное преодоление бедности — тут все зависит от усилий власти, самих профсоюзов, их единения с демократической общественностью и правозащитным движением.

9. Ограниченность освоения профсоюзных прав и свобод.

Неразвитость массового сознания

К сожалению, незавершенность становления прав человека, касающихся профсоюзов, не сводится к обычным для всех стран текущим нарушениям трудового законодательства. В переходной России, где еще живы привычки, традиции, установки госсocialистического общества, главным препятствием утверждению этих прав выступает состояние массового сознания. Преобладающая культурно-ценностная атмосфера зачастую находится в противоречии с атмосферой общественно-политической, и ведет к тому, что едва ли не большинство народа оказывается неспособным сразу же освоить сложившиеся сегодня политические и социальные возможности.

Формально, правда, профсоюзы в России охватывают подавляющую часть активного населения. При менее чем 70 млн. работающих в профсоюзах числится, по суммированным отчетам их руководителей, что-то около 60-65 млн. членов или примерно 80-90% занятых: 55-60 млн в старых организациях и до 5 млн. — в новых (30). Если вместо самооценок руководства использовать итоги всероссийских опросов, степень тред-юнионизации окажется более низкой. Весной 1994 года в наиболее представительном из таких опросов примерно 75% работающих горожан (свыше 50 млн человек в пересчете на всех занятых) сообщили, что считают себя членами профсоюзов; при этом 65-70% рабочих и служащих сказали, что состоят в старых профсоюзах, 5-10% — в новых (31). Тем не менее и эти цифры, хотя они уступают первым, все-таки показывают уровень профессиональной организации, как будто гораздо более высокий, чем в большинстве стран мира.

Дело, однако, в том, что подобные цифры нельзя принимать безоговорочно. Они ведь относятся ко всем организациям, называющим себя профсоюзами. Между тем, большинство этих организаций, как отмечалось выше, являются скорее полупрофсоюзами, еще только превра-

щающимися в настоящие тред-юнионы. Огромная численность старых профсоюзов, как раз и обеспечивающая охват ими 3/4 трудящихся, есть по преимуществу наследие обязательного и формального членства всех работников, студентов, пенсионеров в псевдопрофсоюзах советского времени. Соответственно и сегодня большая часть тех, кто числится в профсоюзах системы ФНПР, не обязательно являются их сознательными членами, способными к ответственным солидарным действиям и подчинению профсоюзной дисциплине. Что касается новых профсоюзов, они включают людей, добровольно вступивших в профессиональные объединения. Но их не так много, и к тому же среди этих организаций также имеется некоторое число квазипрофсоюзных образований.

В противоположность формальным показателям люди, не только числящиеся членами профсоюзов, но готовые следовать дисциплине и вести себя в трудовых отношениях так, как действуют члены профсоюзов во всем мире, составляют явное меньшинство работников. О конкретных пропорциях можно судить по доле людей, которые во время всероссийских опросов 1994-1995 г.г. согласились с тем, что профсоюзы защищают интересы трудящихся, и что к ним надо обращаться за помощью в трудных ситуациях, что профсоюзы заслуживают доверия, что они играют заметно положительную роль на производстве, и что их влияние в обществе должно возрасть. Доля эта колеблется в пределах 20-30% опрошенных рабочих и служащих, иногда опускаясь до 10% (см. табл. 3). Как видно, действительный уровень освоения профсоюзных прав в современной России соответствует присутствию в обществе скорее 1/4, а не 3/4 профессионально организованных работников.

Точно так же размах стачечного движения в современной России значителен лишь в сравнении с их почти абсолютным подавлением в условиях госсocialизма. Однако сегодняшний уровень распространения забастовок, при котором в них ежегодно участвует менее 0,5% наемных работников, далеко уступает соответствующим показателям большинства демократических государств.

Знаменательно, что у нас доля людей, которые считают, что право на забастовку приносит больше пользы, чем вреда, все еще уступает числу тех, кто убежден в обратном (23% против 35% по опросу конца 1994 года) (32). А некоторые хозяйственные руководители до сих пор не стесняются отрицать законное право трудящихся на забастовку. Назначенный летом 1996 года министр топлива и энергетики П.Родионов счел возможным в одном из первых своих выступлений в печати заявить: "шахтер также не может оставить забой (т.е., начать забастовку), как солдат — оружие" (33).

Вообще говоря, осознание профсоюзных прав и возможности бастовать примерно четвертью населения на протяжении первых пяти лет относительно свободного развития также свидетельствует об очень неплохих темпах улучшения ситуации с правами человека в России. На Западе начальный этап роста тред-юнионов занял несколько поколений. Сложность однако состоит в том, что в стране, выходящей из госсocialизма, рядом с освоением связанных с профсоюзами прав человека разворачиваются иные социально-психологические процессы, подталкивающие массовое сознание к движению в направлениях, совершенно отличных от роста тред-юнионистского сознания.

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

Таблица 3

Численность и влияние профсоюзов (по данным всероссийского опроса 1994 года)

Показатели численности и влияния	Доля работников, для которых характерны данные показатели	
	среди рабочих, в % ко всем опрошенным рабочим	среди специалистов и ИТР, в % ко всем опрошенным специалистам
Принадлежность к профсоюзам		
Считают себя членами традиционных профсоюзов (в основном входящих в систему ФНПР)	68	67
Считают себя членами новых (альтернативных) профсоюзов	9	9
Не считают себя членами профсоюзов	15	18
Не знают, не могут ответить	8	6
Уплата членских взносов		
Платят членские взносы	81	76
Не платят членские взносы	15	19
Не знают, не могут ответить	4	5
Оценка роли профсоюзов		
Считают, что профсоюзы играют положительную роль в общественной жизни	12	9
Считают, что профсоюзы играют отрицательную роль в общественной жизни	9	6
Считают, что профсоюзы не играют существенной роли в общественной жизни	64	69
Не знают, не могут ответить	15	16
Оценка роли традиционных и новых профсоюзов		
Считают, что интересы рядовых людей лучше защищают традиционные профсоюзы	19	15
Считают, что интересы рядовых людей лучше защищают новые профсоюзы	15	20
Не знают или считают, что никакие профсоюзы не защищают интересы рядовых людей	66	65
Доверие к профсоюзам *		
Считают, что профсоюзы полностью или отчасти заслуживают доверия	24	35
Считают, что профсоюзы не заслуживают доверия	55	42
Не знают, не могут ответить	21	23

* — по данным обследования 1995 года

Источник: Социальные и экономические перемены мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1995, № 4, с. 78.

В частности, при современных условиях реакцией на устранение условий, вынуждавших всех работников быть членами государственных псевдопрофсоюзов, может стать не только распространение тяги к настоящим профсоюзам, но и развитие индивидуализма. Социально-психологически это совершенно понятно. Прежняя всеобщая принадлежность к организациям, называвшимся профсоюзами, означала господство в обществе обязательной, навязываемой солидарности, принудительного и в сущности лицемерного, несвободного коллективизма. До поры до времени эта несвобода не замечается, принудительный коллективизм воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Но когда исчезают условия, делающие неизбежным включенность в государственные профсоюзы, тяжесть псевдоколлективизма начинает ощущаться в полной мере. Одним из внешних проявлений этого ощущения выступает осознание фальши и никчемности старых профсоюзов. Сегодня старые профсоюзы — один из наиболее негативно оцениваемых институтов общественной жизни. И если у одних работников отход от принудительной солидарности рождает стремление к солидарности свободной, подлинной, то у других оно оборачивается разочарованием в эффективности всяких широких коллективных действий вообще.

Низкие оценки готовности рабочей среды к солидарным действиям, даваемые самими же профсоюзными активистами, показывают, что эта тенденция достаточно сильна. Значение ее усиливается еще и тем, что зачастую она проявляется у наиболее энергичных и квалифицированных работников, уверенных, что они сами или в составе малой группы (бригады, артели) могут отстаивать свои интересы. В этом отношении типичны слова бригадира высококвалифицированных сборщиков на одном из крупных машиностроительных заводов: "Мы сами себе профсоюз. В случае конфликта идем к начальству бригадой или три-четыре человека. Нам профсоюз не нужен". Ту же мысль развивает молодой уверенный в себе инженер: "Человек может сам разрешить конфликты с администрацией. Мне ближе контрактная система, а не коллективный договор. Мне не нужны профсоюзные лидеры" (34).

Дать точную количественную оценку усиления индивидуалистических настроений в сфере трудовых отношений вряд ли возможно. Разве что упомянуть о 20-25% рабочих, специалистов, служащих, которые в посвященном профсоюзам всероссийском опросе 1994 года заявили, что они не состоят больше ни в каких профсоюзных организациях, либо не знают, состоят или нет (см. табл. 3). В российских условиях открытое провозглашение своего выхода из профсоюзов свидетельствует не просто о пассивном восприятии профсоюзов, но о достаточно определенном, активном желании дистанцироваться от них. Не будет преувеличением сказать, что с четвертью работников, реально освоивших право на коллективные действия, соседствует сопоставимая доля трудящихся, настроенных индивидуалистически и нестремящихся использовать свои профсоюзные права. Формально распространение таких настроений никак не противоречит праву на профессиональное объединение. Фактически, однако, индивидуалистическая реакция на преодоление принудительного коллективизма неизбежно препятствует утверждению этого права.

Аналогичным образом (или даже еще сильнее) противостоит утверждению трудовых прав и вообще правовому сознанию в сфере труда со-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

хранение массовой психологии патернализма и почитания государства. Более того, эта психология видоизменяется применительно к постсоциалистической системе и в этом смысле развивается, приспособляясь к новым условиям и укореняясь в них.

Хотя социальная структура СССР отличалась очень высоким удельным весом рабочих и служащих, а также повышенным уровнем их концентрации и культурно-технического развития, социальное положение наемных работников и их профессионально-классовое сознание были гораздо менее ясными, чем в индустриально развитых капиталистических странах. Наемные работники в советском обществе работали на государство, решение любых вопросов их жизни зависело от тех или иных государственных или партийных учреждений (причем последние и на деле, и в массовом сознании составляли единое целое с государством). В подобных условиях государство казалось всемогущим, его фетишизация, своего рода государственный фетишизм становились преобладающей чертой массового социально-политического сознания.

Мощные пласты государственного фетишизма сохраняются и в современном сознании наемных работников. Многочисленные опросы показывают, что в защите своих прав в социально-трудовой сфере большинство их гораздо чаще надеется на помощь государства, чем на профсоюзы и собственные коллективные действия. Среди квалифицированных рабочих на помощь профсоюзов в трудных жизненных ситуациях обычно надеется в 4 раза меньше людей, чем на помощь государства, и в 8 раз меньше, чем на помощь заводской администрации; среди неквалифицированных рабочих — соответственно в 11 и в 13 раз меньше (35).

Воздействие государственного фетишизма усугубляется прочностью патерналистских отношений в российской экономике. Прочность эта проистекает из особого характера социальной организации предприятий, сложившейся в тотально огосударственном советском обществе. В рамках такого огосударствления возникло гораздо более тесное, чем в иных системах, переплетение производственных и внепроизводственных социально-бытовых структур. В Советском Союзе большинство предприятий, особенно крупных, были не только хозяйственно-экономическими единицами, но и ведущими социальными ячейками общества. Такие ячейки осуществляли не одни лишь производственные функции, но и многие функции распределения, бытового и культурного обслуживания, жилищного и социального обеспечения буквально от рождения до смерти — выдаваемые на предприятиях пособия по случаю рождения и по случаю похорон символически обрамляли жизнь советских людей.

В подобных условиях предприятия и учреждения приобретали черты своеобразной индустриальной общины. Чем крупнее предприятие, чем более развит его "соцкультбыт", тем сильнее проявлялись в нем индустриально-общинные черты. Разумеется, эти черты так или иначе присущи организациям со значительным числом работников во всех обществах. Но в советской системе и вообще в системах государственно-социалистического типа индустриально-общинное строение предприятий развилось гораздо сильнее, чем в большинстве других современных обществ. Соответственно, социально-трудовые отношения, а может быть, и производственные отношения в целом в рамках реально-

го социализма приобретали государственно-патерналистский характер. Работник ощущал себя зависимым от государства, партии, предприятия и одновременно "отечески" опекаемым, благодетельствуемым ими. И на самом деле государство осуществляло обе эти функции. При этом многоуровневая система органов подчинения и опеки (предприятия, районные, областные, центральные органы) позволяла поддерживать баланс зависимости и благоденствия (или хотя бы привычную иллюзию такого баланса).

Государственно-патерналистский характер трудовых отношений и трудового сознания госсocialизма накладывает определенный отпечаток на строй нынешних социальных и психологических отношений в сфере труда. Разрушение верхних структур госсocialистической системы и постепенный переход большинства предприятий в групповую или индивидуальную частную (вернее полупричастную) собственность лишь в редких случаях сопровождается устранением индустриально-общинной организации на всех уровнях общества. Гораздо чаще эта организация исчезает только на верхних эшелонах социальной системы, где преобразования сокрушили органы государства и партии, бывшие здесь носителями патернализма, и заменили их учреждениями иного типа. Что же касается предприятий, то здесь главным носителем патерналистских отношений выступало хозяйственное руководство. От райкома и выше партийные руководители были "главнее" хозяйственных, но на предприятиях — наоборот. Поскольку в процессе приватизации именно хозяйственное руководство в большинстве случаев становится собственником (или одним из собственников) предприятий, остается полная возможность сохранения на уровне предприятий индустриально-общинной социальной организации и патерналистского типа социально-трудовых отношений.

Под влиянием сформировавшихся десятилетиями и потому чрезвычайно прочных установок на жизнь в рамках индустриальной общины, а также под воздействием все еще очень распространенной в массовом сознании психологии фетишизации государства эта возможность легко превращается в действительность. Преобладающая модель приватизации в России, при которой контрольный пакет акций формально находится в руках трудового коллектива, усиливает эту тенденцию. Как свидетельствуют наблюдения, проведенные в 1993-1996 гг. на предприятиях в разных регионах страны, а также собеседования с работниками, представляющими типичные социальные группы, очень многие крупные промышленные предприятия по-прежнему остаются своего рода индустриальными общинами; в большинстве случаев на них все еще преобладают трудовые отношения патерналистского характера (36).

Разница заключается лишь в том, что резко уменьшилась, так сказать, глубина патернализма, сократилось число его уровней, практически исчезла зависимость работника от органов, стоящих над предприятиями. Но теперь нет и ограничения этими органами зависимости работника от администрации предприятий. Иными словами, целостная, жестко структурированная и многоуровневая общегосударственная система индустриальных общин превратилась в совокупность локально-частных индустриальных общин. В сфере труда государственно-патерналистские отношения сменились отношениями частно-патерналистскими.

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

Частно-патерналистское сознание, по-видимому, представляет наиболее распространенный тип трудового сознания в современной России. Если исходить из того, что ориентация на профсоюзы и индивидуалистические настроения характерны примерно для половины работников (по четверти в каждом случае), то получается, что стихийно патерналистская позиция свойственна оставшимся 50% трудящихся. Особенно упорны такие настроения среди менее квалифицированных работников. Любопытно, что в забастовках видят больше вреда, чем пользы 48% неквалифицированных рабочих и лишь 26% специалистов. Не станем настаивать на строгой точности этого заключения. Но общий порядок соотношений оно, похоже, отражает более или менее правильно. В трудовых отношениях пассивное, патерналистское сознание определяет поведение примерно такой же доли работников, что и два активных типа сознания — профсоюзно-коллективистское и индивидуалистическое.

К тому же в условиях переходного кризиса патерналистские ориентации, стремление не полагаться на свои силы, но довериться "отеческой" заботе хозяев и директоров зачастую сильнее всего проявляется на крупных заводах, в нормальных условиях бывающих обычно главными точками роста солидарности и профсоюзного сознания. Отступление от "нормы" составляет здесь оборотную сторону, вообще-то говоря, оправданной, отвечающей интересам трудящихся кризисной социальной политики, при которой сокращение издержек достигается не столько "залповым" увольнением работников, сколько уменьшением оплаты через установление неполного рабочего дня или рабочей недели, введения неоплаченных отпусков, понижения реального уровня зарплаток и т.п.

При осуществлении такой политики, особенно необходимой на крупных предприятиях, удается избежать массовой открытой безработицы, смягчить социальную напряженность кризиса, для выхода из которого нужно выиграть время, чтобы достичь большей эффективности одних предприятий, перепрофилировать другие, ликвидировать третьи. Но такая линия ведет к тому, что в период сокращенного, полусвернутого функционирования предприятий, во время их "кризисной спячки" происходит отток наиболее активной, энергичной, волевой, квалифицированной части работников.

Как правило, эти работники уходят на мелкие частные фирмы, в сферу обслуживания и т.п., где заработки в 1,5-2 раза выше, чем на большинстве крупных предприятий промышленности. В итоге, на больших заводах заметно снижается доля социально активных, "сильных" работников и повышается процент пассивных, "слабых" людей. Подобная среда благоприятствует упрочению индустриально-общинной структуры крупных предприятий, укрепляет частно-патерналистский характер трудовых отношений, способствует возрождению на них псевдопрофсоюзных установок. А так как эти предприятия и их коллективы традиционно пользуются повышенным влиянием в обществе, преобладающие здесь настроения заметно воздействуют на массовое сознание в целом.

При всем различии индивидуалистических и патерналистских тенденций в трудовых отношениях, оба эти направления мешают распространению в массовом сознании представлений о праве на солидарность и коллективные профессиональные действия. Более того, социально-психологические факторы оказываются в настоящее время более

мощным препятствием упрочения начал права и свободы в трудовых отношениях, нежели случаи прямого беззакония. Понятно, что противостояние патерналистской психологии или неограниченному индивидуализму должно носить совершенно иной характер сравнительно с тем, что следует делать, когда нарушаются действующие законы. В одном случае нужно немедленное властное восстановление законной нормы, в другом — длительное и повседневное просвещение, обучение, развитие культуры, пример праведника, разъяснения почитаемого авторитета. Но для утверждения прав человека в сфере труда, да, пожалуй, и всех прав человека, развивающие просветительские усилия имеют не меньшее значение, чем совершенствование законности и борьба за соблюдение правопорядка.

10. Необходимость совершенствования условий труда

Помимо трудовых отношений в современной России имеются и некоторые другие стороны положения работников, где ситуация с социально-экономическими правами, если и не улучшается, то хотя бы не ухудшается и не выходит или не слишком выходит за пределы, так сказать, обычной, нормальной степени их соблюдения. То есть тут, разумеется, имеют место нарушения прав человека, но интенсивность этих нарушений в общем не чрезмерно отличается от той, что бывает (или бывала в недалеком прошлом) в реальных рыночно-демократических обществах. К областям социально-экономического положения, в которых нарушения прав человека не имеют в сегодняшней России чрезвычайного характера и где нет явной отрицательной динамики, относится состояние условий производственной деятельности работников.

Обеспечение здоровой и безопасной обстановки на рабочих местах составляет одно из важнейших условий труда и соответственно одно из главных социально-экономических прав человека. В России к тому же имеются особые обстоятельства, дополнительно повышающие актуальность этого права. При сопоставимом культурном уровне работников санитарно-гигиенические условия и техника безопасности у нас хуже, а нормы трудового законодательства нарушаются чаще, чем во многих странах Запада.

Почти половине (45%) занятых в российской промышленности приходится работать в неблагоприятных условиях. Свыше 20% промышленных рабочих (среди женщин-работниц более 15%) трудятся в условиях, не соответствующих общепризнанным санитарно-гигиеническим нормам, а 1-2% вынуждены работать на оборудовании, которое не отвечает элементарным требованиям безопасности. В некоторых регионах доля работающих в обстановке, не соответствующей санитарно-гигиеническим нормам, достигает 30-45% занятых в промышленности (Камчатка, Мурманская и Архангельская области, республика Коми, Кузбасс) (37).

Ежегодно на производстве регистрируется 350-400 тысяч несчастных случаев, в том числе 7-8 тысяч со смертельным исходом. Иными словами, из 10 тысяч занятых каждый год 60-65 человек получают травмы, а 1-2 человек — гибнут. Если подобное положение сохранится и дальше, это будет означать, что на протяжении 40 лет нормальной трудовой жизни ту или иную травму получит один из четырех работающих в про-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

мышленности, а один из двухсот — погибнет на производстве (см. табл. 4 и 5).

Таблица 4

**Удельный вес работников, занятых во вредных и опасных условиях труда
(в % к численности занятых в соответствующих отраслях)**

Годы	На предприятиях и в учреждениях			
	промышленности	строительства	транспорта	
Работали в условиях не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам	1991	17,8	6,9	7,8
	1992	21,4	8,5	10,2
	1993	21,4	7,9	10,5
	1994	21,6	8,6	11,4
	1995	21,4	8,7	11,0
	1996	21,2	8,9	10,0
Работали на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности	1991			
	1992	1,8	0,4	0,9
	1993	1,5	0,3	0,5
	1994	1,1	0,3	0,4
	1995	1,0	0,2	0,4
	1996	0,7	0,2	0,2

Источник: Уровень жизни населения России. 1996. Статистический сборник, с. 26.

Таблица 5

Производственный травматизм

годы	Число пострадавших на производстве			
	тыс. чел	всего на 1000 работающих, чел.	тыс. чел.	со смертельным исходом на 1000 работающих, чел.
1990	432,4	6,6	8,4	0,129
1991	405,7	6,5	8,0	0,128
1992	363,7	6,2	7,7	0,131
1993	343,0	6,3	7,6	0,139
1994	300,1	5,9	6,8	0,133
1995	270,4	5,5	6,8	0,138

Источник: Уровень жизни населения России. 1996. Статистический сборник, с. 30.

Важность совершенствования условий труда дополнительно повышается тем обстоятельством, что с ними нередко оказываются связаны условия среды обитания в целом. Многие острейшие экологические проблемы в России, такие как загрязнение воздуха и воды, вызываются деятельностью промышленных предприятий, не оборудованных очист-

ными сооружениями должного уровня. Показательно, что наиболее неблагоприятная экологическая обстановка складывается у нас не в крупнейших городах-мегаполисах, а в средних городах с повышенной концентрацией тяжелой промышленности, металлургии, химии.

Состояние атмосферы в таких индустриальных центрах как Новокузнецк, Череповец, Липецк, Магнитогорск, Омск, Нижний Тагил во много раз хуже, чем в обычных городах России, включая самые большие (38). Экологические бедствия поражают людей, работающих в промышленности и живущих в промышленных центрах сильнее, чем другие слои населения. Неблагополучие среды обитания в целом оказывается здесь как бы продолжением (и порождением) неблагоприятных условий труда.

Неудивительно, что как только в стране стало возрождаться независимое рабочее движение и началось складывание современных социально-трудовых отношений, вопросы сокращения рабочего времени и улучшения условий труда явились одним из предметов этих отношений. Так одно из первых самостоятельных рабочих действий в стране — независимое выступление рабочих Ярославского моторного завода в 1987 году развилось вокруг требования устранить "черные субботы", т.е. упорядочить рабочее время и прекратить его произвольное увеличение за счет субботних и выходных дней. Улучшение санитарно-гигиенических условий занимало видное место в ряду шахтерских требований, выдвинутых в ходе всеобщей стачки угольщиков 1989 года. Рабочие комитеты Кузбасса, общественные организации Нижнего Тагила и Киришей в конце 80-х и на рубеже 90-х годов уделяли большое внимание экологическим проблемам.

Однако экономический кризис 90-х годов парадоксальным образом изменил положение. Разумеется, никакого улучшения условий труда за это время не произошло. Однако другие стороны положения труда, в первую голову его оплата и соотношение занятости и безработицы, обострились настолько, что все остальные проблемы (в том числе и условия труда) начали казаться менее настоятельными. В последние годы профсоюзы и сами работники лишь в редких случаях требуют улучшения условий труда или сокращения рабочего времени. Всероссийские опросы 1995 года показали, что с условиями труда связано лишь около 10% трудовых конфликтов (39).

Мало того, стремясь обеспечить себе и семье заработок, отвечающий инфляционной дороговизне, рабочие зачастую перестают обращать внимание на условия труда и технику безопасности. В некоторых отраслях, например, в угольной, такое положение ведет к учащению случаев травматизма и гибели рабочих. Беда в том, что вызванное нынешней ситуацией падение дисциплины и рост пренебрежения к санитарно-гигиеническим нормам, технике безопасности и т.п., входят в привычку становиться дурной традицией.

По мере преодоления кризиса приоритеты в содержании трудовых отношений и трудовых конфликтов будут меняться. Создание здоровых условий труда и отдыха, нормализация режима рабочего времени, бытовой обстановки на предприятии, обеспечение санитарных норм, здоровые и безопасные условия труда станут такими же традиционными элементами трудовых отношений и трудовых прав, какими они являются в развитых странах Запада. Добавочная трудность, по-видимому, будет состоять в том, что помимо обычных материально-организационных

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

сложностей улучшения условий труда придется столкнуться с утвердившейся за последние годы психологией лихачества, пренебрежения условиями труда и безопасности среди самих работников. Тем важнее уже сейчас, когда проблема зарплаток и безработица на самом деле затмевают все прочие условия труда, напоминать об этих последних и делать все возможное в нынешних обстоятельствах для их улучшения. В подобной обстановке принципиальная защита права на здоровые условия труда, не скованная давлением непосредственных нужд, но движимая идейно-правовыми устремлениями, — такая правозащитная активность может на какое-то время стать (как это было в советское время) более последовательным выражением интересов работников, нежели действия самих работников.

11. Относительно умеренные масштабы безработицы до середины 90- годов. Вероятность ее роста в будущем

К числу социальных проблем труда, где нарушение прав человека не достигает чрезмерного размаха (сравнительно с тем, что делается в других странах), принадлежит в сегодняшней России также и безработица. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация обусловлена тем, что безработица по большому счету еще только возникает в нашем обществе. Хотя сами по себе масштабы безработицы и неполной занятости в России середины 90-х годов достаточно велики, она все же не затрагивает непосредственно основную массу трудящихся.

По состоянию на конец 1995 года в стране насчитывалось 2,3 млн. человек, официально зарегистрированных в качестве безработных органами Федеральной службы занятости, в середине 1996 — около 2,6 млн. Это примерно 3-4% экономически активного населения. Но в службу занятости обращаются далеко не все, кто не имеет работы. Более точную картину рынка труда рисуют выборочные обследования, проводимые, как и во всем мире, по методике Международной организации труда. Подобные обследования показывают реальную долю безработных, то есть людей трудоспособного возраста, которые не имеют работы, не учатся, не служат в армии, и вместе с тем ищут работу, будучи готовы приступить к ней, как только найдут. Понимаемая таким образом безработица охватывала в конце 1995 года свыше 6 млн. человек, а в середине 1996 — 6,5 млн. Следовательно, безработными были не 3-4%, а 8% активного населения зимой 1995/96 и почти 9% летом 1996 года (40).

К тому же широкое распространение получила у нас вынужденная неполная занятость, включающая элементы безработицы. Основные формы неполной занятости — сокращение рабочего времени с соответствующим уменьшением оплаты и принудительные неоплачиваемые отпуска, в которые администрация отправляла работников — затрагивали в отдельные месяцы 1995-1996 гг. по 5-6 млн. человек, а то и больше (обычно 2 млн. занятых неполный рабочий день и 2-3 млн. находящихся в отпусках без оплаты). Неполная занятость, таким образом, охватывала в отдельные периоды до 10% работающих (41). Конечно, частичная занятость не всегда перерастала в безработицу, и далеко не все частично занятые были лишены работы и зарплаток в течение полного месяца. Но так или иначе расчеты статистических органов позво-

ляют утверждать, что неполная занятость в 1995 году повышала суммарный потенциал безработицы, по крайней мере, до 10%. Тем не менее подобный уровень безработицы и соответственно уровень несоблюдения права на защиту занятости не является чем-то исключительным в современном мире. Во многих промышленно развитых странах безработица в последние годы охватывала большую долю самодеятельного населения — до 11-12%. В периоды спадов — много менее серьезных, чем тот, через который проходит сейчас Россия — удельный вес безработных в рыночных индустриальных обществах обычно поднимается, считая округленно, до 12-16%. Сверх того, неполная занятость охватывает в них 15-20% самодеятельного населения (впрочем, надо признать, что лишь меньшая часть ее приходится на вынужденную неполную занятость). Еще важнее, что острота безработицы у нас пока существенно, чуть ли не в 1,5 раза, ниже, чем во многих странах Восточной Европы, как и Россия переживающих кризис перехода к рынку. В 1993 году, например, доля полностью безработных в экономически активном населении Болгарии, Венгрии, Польши достигала 13-16% (42).

Не будучи пока что чрезвычайной, ситуация с безработицей в сегодняшней России никак не может считаться благополучной с точки зрения права на труд и защиту занятости. Каждый десятый взрослый гражданин ищет и не может найти работу. Около пятой части их — 23% зарегистрированных безработных в 1994 году и около 15% в 1995 году — находятся в таком положении свыше года (43). Это означает, что идет быстрое формирование застойной безработицы, сливающейся с пауперским дном наших городов. Еще хуже, что в составе безработных особенно много молодежи. Люди моложе 30 лет составляют сейчас 21-22% работающего населения; среди безработных на их долю приходится примерно вдвое больше — около 40% (44). Длительная безработица развращает молодежь и делает ее потенциальным резервом криминальной среды.

К тому же в рамках существующих порядков предпринимаются лишь очень ограниченные меры, облегчающие положение безработных. Небольшие пособия, предусмотренные законодательством, фактически получают 85% зарегистрированных безработных, что составляет примерно 30-35% общего их числа. Это вызвано тем, что основное пособие по безработице в большинстве случаев выплачивается у нас не более трех месяцев. Впрочем, в периоды обострения всеобщей задолженности пособия перестают выплачиваться и в эти месяцы. Летом 1996 года пособия по безработице не платили в 47 регионах России из 89 (45). Уровень безработицы в России действительно ниже, чем во многих других странах. Но уровень помощи безработным уступает тому, что делается на Западе, еще больше.

Оценивая актуальность права на защиту занятости в России, надо принимать в расчет вероятное нарастание безработицы в будущем. Об этом говорит уже само увеличение в численности безработных в прошлые годы: за неполные 5 лет — с 1992 до середины 1996 года — она почти удвоилась (с 3,6 млн. чел. до 6,5 млн.). Еще убедительнее в этом смысле динамика производства. Как уже упоминалось, на протяжении 1990-1995 гг. совокупное производство в России сократилось на 35-40%. Между тем занятость уменьшилась только на 10-11% (см. табл. 6). Конечно, занятость в годы кризисов везде уменьшается медленнее про-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

изводства. Но в нашем случае расхождение этих показателей имеет явно необычный масштаб. По-видимому, здесь сказалась полустихийная-полусознательная политика занятости, направленная на почти абсолютный отказ от принудительного сокращения работников повсюду, даже на нерентабельных и бесперспективных предприятиях. Неполная занятость, о которой говорилось выше, как раз и является главным выражением этой политики. Она ведь, в сущности, означает замену полной безработицы частичной, более или менее равномерное распределение тягот на всех занятых.

Таблица 6

Занятость и безработица в России

	тыс. чел.					в % к экономически активному населению			
	1991	1992	1993	1994	1995	1992	1993	1994	1995
Экономически активное население (занятые и безработные)		75665	75012	73962	73140	100	100	100	100
Занятое население	73848	72071	70852	68484	67100	95,3	94,5	92,6	91,7
Безработные		3594	4160	5478	6040	4,7	5,5	7,4	8,3
в том числе имеют официальный статус в службе занятости	62	578	836	1637	2327	0,8	1,1	2,2	3,2
из них получают пособие по безработице		371	550	1395	2026	0,5	0,7	1,9	2,8

Источник: Труд и занятость в России. 1995, с. 18,84; Российский статистический ежегодник. 1994, с. 54; Уровень жизни населения России. 1996, с. 21.

Представляется, что такая линия в реальной обстановке начала 90-х годов была в целом оправданной; ее смягчающий социальный эффект, пожалуй, перевешивал экономические невыгоды. Закономерно, что отказ от единовременного выброса на улицу миллионов людей фактически поддержали и власти, и большинство управленцев, и рядовые работники. Но бесконечно подобная политика продолжаться не может. Слишком длительное ее осуществление грозит окончательным распадом трудовой морали, подавлением ростков предприимчивости и конкурентной ориентации у хозяйственных руководителей, в конечном счете, невозможностью создания производственного аппарата, приспособленного к конкурентно-рыночной среде. Во второй половине 90-х годов, скорее всего, следует ожидать перехода от преимущественно мягкой, "щадящей" политики занятости к жесткому приведению численности работающих в соответствие с реальными потребностями экономики в целом и возможностями каждого конкретного предприятия в отдельности.

Отсюда никак не вытекает неизбежность катастрофического коллапса занятости. В свете того, что фактически происходит в нашей экономике,

и того, что бывало в других странах, многократно провозглашавшиеся (и никогда не оправдывавшиеся) прорицания относительно появления в России безработицы, охватывающей половину, если не большинство населения, выглядят не столько профессиональным прогнозом, сколько демагогическим политиканством. Тем не менее существенное расширение безработицы, например, возрастание ее до 15-20% экономически активного населения (уровень, характерный для кризисных ситуаций во многих западных странах), представляется вполне вероятным.

В условиях увеличения безработицы идея права на труд приобретет гораздо большую ценность, чем теперь. Соответственно, широкую поддержку получат и действия, направленные на защиту занятости и помощь безработным. Реальная эффективность такой защиты очень сильно зависит от того, будут ли приниматься меры, ограничивающие размах увеличения безработицы, уже теперь. Неизбежное переструктурирование занятости окажется тем менее болезненным, чем менее стихийно будет разворачиваться этот процесс. Профсоюзам и государственным органам, захлестнутым потоком текущих сегодняшних проблем, непросто уделять достаточное внимание тому, что станет остро актуальным завтра. Правозащитная активность в социально-экономической сфере, менее связанная с текущими нуждами, способна сыграть тут очень положительную роль, напоминая обществу о том, с чем придется столкнуться в недалеком будущем.

IV. Социально-экономические перемены с преобладанием процессов деградации социальных и экономических прав

12. Отсутствие справедливой оплаты труда и обеспечения в старости. Снижение реальных заработков и пенсий. Недостаточность доходов основной массы населения

От положения с правами, гарантирующими свободу социально-трудовых отношений, а частично даже от ситуации с охраной труда и безработицей, разительным образом отличается состояние другой части социально-экономических прав — той их стороны, в которой провозглашаются права человека на пищу, одежду, жилище, медицинское и социальное обслуживание, необходимое для благосостояния работника и его семьи. Несмотря на имеющиеся противоречия, элементы свободы в социально-трудовых отношениях стали за последние годы несравнимо прочнее, чем раньше, а охрана труда и помощь безработным, если не усовершенствовались всерьез, то, по крайней мере, не ухудшились радикально. Напротив, уровень благосостояния и материального потребления за то же время резко понизился. Иначе и не будет до тех пор, пока не удастся преодолеть экономический кризис, и спад производства не заменится подъемом.

В различии этих тенденций — преобладании позитивных сдвигов в трудовых отношениях и негативных в изменении уровня жизни — выражается главное противоречие социально-экономических прав в современной России. В сущности, здесь, в пределах социальной сферы, как

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

бы повторяется более общее противоречие прогресса прав человека в российском обществе 90-х годов: соединение так или иначе, пусть с перебоями, происходящего движения к свободе в общественно-политической жизни с откатом назад в социально-экономическом положении трудящихся и социальных гарантиях.

Постараемся избежать преувеличений. Ухудшение затрагивает не все элементы быта и благосостояния. Многие составляющие уровня жизни сегодня ничуть не хуже, чем вчера, а некоторые заметно улучшились. Исчез дефицит, ушло в прошлое разительное отличие возможностей потребления в столицах и провинции. Устранена чрезмерная регламентация труда и быта. Миллионы людей впервые увидели, что такое свобода потребительского выбора. Даже ухудшение положения там, где оно реально происходит, зачастую имеет меньший размах, чем это может показаться на первый взгляд. Действительность никак не подтверждает мрачных пророчеств относительно неизбежности голода, разрухи, всеобщего отчаяния и социального взрыва.

Но если не гибельная катастрофа, то очень существенное падение материального благосостояния и заметное отягощение быта составляет несомненную черту сегодняшнего положения народного большинства. В России и до начала трансформационного кризиса, сопровождающего разрушение госсocialизма, лишь с очень большими оговорками можно было говорить о реальной возможности осуществления права на справедливую оплату труда, удовлетворительное обеспечение в старости и достойный уровень жизни. Теперь же, после кризисного ухудшения жизни, это право стало — по крайней мере сейчас и в ближайшем будущем — совершенно неосуществимым.

Фактическое положение дел с оплатой труда и денежным обеспечением в старости характеризуют данные об изменении заработной платы и пенсий (см. табл. 7). Общая направленность их движения определялась в начале 90-х годов галопирующей инфляцией, а в середине — тем обстоятельством, что финансовая стабилизация достигалась в значительной степени сжатием массовых доходов. В результате и в разгар инфляции, и в годы ее постепенного затухания изменение реальных зарплат и пенсий имело сходный волнообразный характер. Провальные периоды, когда заработки и пенсии резко отставали от дороговизны, сменялись временами несколько более быстрого, догоняющего роста, который однако никогда в это время не возмещал полностью предшествующее падение.

Заметное отставание заработков и пенсий от дороговизны началось еще в 1991 году, когда они в реальном исчислении составили 97% от уровня 1990 года. Фактическое ухудшение было гораздо большим, т.к. официальные цифры не учитывают чудовищный товарный дефицит в конце 1991 года. С либерализацией цен в январе-феврале 1992 года реальные заработки и пенсии обвально понизились в 2-3 раза. В дальнейшем они снова выросли — зарплаты уже с конца 1992 года, пенсии — в следующем году, достигнув в 1993 году 65-66% и в 1994 году — 62% от уровня 1990 года (46). В целом, в 1993 году и на протяжении большей части 1994 года заработная плата и пенсии менялись более или менее в соответствии с повышением цен, то несколько отставая, то чуть опережая их. В это же время перестало сказываться отягощающее воздействие дефицита.

Таблица 7

Изменение реальной заработной платы, пенсий, располагаемых денежных доходов населения

Годы	Среднемесяч- ная заработная плата	Среднемесячная назначенная пен- сия	Среднемесячные располагаемые де- нежные доходы в расчете на душу на- селения
В рублях, с учетом из- менения индекса по- требительских цен			
1990	303	102	215
1991	295	100	250
1992	195	50	135
1993	195	65	160
1994	185	60	180
1995	140	50	155
В % к 1990 г., с учетом изменения индекса потребительских цен			
1990	100	100	100
1991	97	97	116
1992	65	50	63
1993	65	66	74
1994	62	62	83
1995	47	50	72
В % к стоимости ме- сячного прожиточного минимума в соответ- ствующем году			
1992	299	116	210
1993	278	137	219
1994	248	124	238
1995	182	99	202

Источник: расчет и оценка по данным из: Уровень жизни населения России. 1996, с. 9, 10, 42, 47; Россия в цифрах. 1996, с. 56, 59.

Однако новый взлет цен осенью и зимой 1994/95 гг. (после пресловутого "черного вторника" в октябре 1994 года) опять привел к существенному падению зарплат и пенсий. В течение остальных месяцев 1995 года волна повышения зарплаток немного опережала рост цен, тем более что последний существенно замедлялся. Но опережение происходило крайне медленно, так что к концу 1995 года и даже к середине 1996 года ни заработная плата, ни пенсии не достигли уровня 1993-1994 гг. Пересчет данных Госкомстата показывает, что в среднем за 1995 год зарплата равнялась 47% реальных зарплаток 1990 года, пенсии — 50%. В первом полугодии 1996 года они составили ориентировочно 50-55% показателей 1990 года (47).

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

Как видно, масштабы падения покупательной способности зарплат и пенсий в начале 1995 -года были хоть и меньшими, но в общем сопоставимыми с тем, что случилось в 1992 году. И это при том, что резкий спад 1992 года произошел в момент инфляционного взрыва, когда рост цен достиг пиковых значений. Необычайно резкое уменьшение оплаты труда и пенсий в подобных условиях было, если и не абсолютно неизбежным, то во всяком случае очень вероятным и вполне объяснимым. Однако в 1995 году снижение совпало со временем, когда показатели инфляции заметно сократились, и в экономике забрезжили возможности стабилизации и преодоления кризиса. То обстоятельство, что выход из кризиса осуществляется за счет зарплат и пенсий рядовых работников, выявляется здесь с полной очевидностью.

Сокращение почти вдвое реального содержания и без того невысоких зарплат и пенсий означает, что сегодня с помощью средней заработной платы и тем более средней пенсии нельзя обеспечить достойное человека благосостояние. Нынешние зарплаты и пенсии тяготеют скорее к доходам, позволяющим большинству поддерживать лишь тот или иной уровень материальной бедности. Применительно к пенсионерам это очевидно: размер средней пенсии в 1994-1996 гг. только немногим превосходит прожиточный минимум, т.е. уровень даже не малообеспеченности, относительной "опрятной" бедности, но прямой нужды (48). Средняя зарплата в середине 90-х годов равнялась примерно 2 прожиточным минимумам (49). Но на каждые 10 работников приходилось в это время почти 7 иждивенцев (не считая пенсионеров). С учетом того, что немалое число пенсионеров также живет не столько на свои пенсии, сколько за счет работающих родственников, фактически у работников средний размер официально учитываемых зарплат в расчете на каждого их (зарплат) потребителя также не слишком превосходит прожиточный минимум.

Правда, в современном российском обществе официальные показатели зарплат неизбежно и в растущей с годами степени оказываются заниженными сравнительно с действительной оплатой труда (в том числе и дополнительной работы пенсионеров). Данные государственной статистики далеко не полностью отражают вторичную занятость, масштабы которой расширяются год от года. Да и многие виды оплаты по основному месту работы не попадают в статистическую и налоговую отчетность. Косвенным подтверждением этих сокрытий является совершенно невероятная величина поступлений от собственности и предпринимательской деятельности в совокупных денежных доходах населения. Согласно официальным цифрам, в 1995 году эти поступления превысили все основные и дополнительные виды оплаты труда вместе взятые (50). Такое соотношение явно не соответствует правде жизни и получается, скорее всего, из-за невозможности учесть многообразие постоянных, временных, случайных, открытых и скрытых зарплат, пополняющих ныне наши доходы. О том же недоучете говорит расчет зарплат и расчетов в рублях 1990 г.: если верить официальным цифрам, получается, что зарплата сегодня ниже среднедушевого дохода, что совершенно невероятно (см. табл. 7).

С этой точки зрения полезно соотнести сведения о заработной плате и пенсиях со сведениями о всех располагаемых денежных доходах населения. В некоторых случаях общая сумма доходов лучше поддается

корректировке, учитывающей возможные сокрытия. Динамика денежных доходов подтверждает уменьшение общего объема средств, которыми располагает население, но свидетельствует, что это уменьшение в 90-е годы, по-видимому, было несколько более плавным, нежели это показывают официальные цифры заработков и пенсий. Как и эти последние, реальные денежные доходы населения упали в 1992 г. до 63% от уровня 1990 г.; затем выросли сильнее зарплат и пенсий — до 74% в 1993 г. и 83% в 1994 г.; в 1995 г. опять понизились, но меньше заработков и пенсий — до 72% от показателей 1990 года (51).

Понятно, что если официальные сведения о заработках и пенсиях, преуменьшают средства, находящиеся в руках трудящихся, то данные о совокупных денежных доходах, объединяя зарплату и пенсии с прибылями, процентами на капитал, поступлениями от собственности и тому подобными средствами, получаемыми богатой верхушкой, приукрашивают положение большинства рядовых работников и пенсионеров. Истинная мера сокращения средств, определяющих условия жизни народного большинства, находится, надо думать, где-то между этими показателями.

Среднедушевой денежный доход соответствовал в 1995-1996 гг. примерно 2 прожиточным минимумам (52). Значит, действительная оплата труда позволяет в среднем жить на уровне, обеспечиваемом суммой не большей, чем один-два прожиточных минимума. Впрочем, если принять в расчет среднедушевой денежный доход не всех домохозяйств, а лишь 80% их (за вычетом 20% наиболее состоятельных, на чью долю приходилось в 1994-1995 гг. свыше 45% общей суммы доходов), его размеры будут близки к 1,3 прожиточного минимума (53). Так что и учет всех денежных доходов не меняет смысл общего вывода: основные слои населения России — люди, живущие, главным образом, на зарплату и пенсии — не получают пока что ни достойного трудового вознаграждения в молодости и зрелости, ни нормального социального обеспечения в старости.

При этом немалая доля населения — округленно 20-30% в среднегодовом исчислении — приходится на долю людей, принадлежащих к домохозяйствам, где душевой доход в 1992-1995 гг. не достигал прожиточного минимума (см. табл. 8). Тут уже речь идет не о недостаточном доходе, а о крайней скудости заработков и пенсий. В особенно бедственном положении находятся те домохозяйства, у которых подобная ситуация имеет постоянный характер. В течение всего 1994 года не имела дохода, обеспечивающего прожиточный минимум, половина всех беднейших домохозяйств, в 1995 году — треть (остальные домохозяйства с доходами более низкими, чем прожиточный минимум, попадали в эту группу на время менее года) (54). Иными словами, 5-10% населения принадлежат к домохозяйствам, обреченным на прямую нищету. Нет сомнения, бывают случаи когда нищенские доходы объясняются пьянством, нежеланием трудиться, психологической неустойчивостью и т.п. Но невозможность обеспечить прожиточный минимум ничуть не реже возникает в результате многодетности, инвалидности, честной безработицы. Да и у тех, кто сам виноват в своих бедствиях, зачастую имеются дети и нетрудоспособные родственники, чья нищета не обусловлена никакой их "виной". В этом смысле, заметная доля нищенских доходов в современной России отражает не столько неизбежное при-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

сутствие порока в обществе, сколько недостаточность социальной защиты и помощи нуждающимся.

Таблица 8.

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума

ГОДЫ	Миллионов человек	В % к общей численности населения
1992	50,2	33,5
1993	46,9	31,5
1994	33,3	22,4
1995	36,6	24,7
1996 (I полугодие, ориентировочная оценка)		(22-23)

Источник: Уровень жизни населения России. 1996, с. 86; Российская экономика: прогнозы и тенденции. № 41, с. 7.

13. Невозможность осуществления права на достойный уровень жизни. Изменение материального потребления

Идущая вразрез с ростом свободы и разрывающая массовое сознание тенденция к обеднению большинства населения видна не из одних лишь сведений о зарплатах и пенсиях. Не менее убедительны материалы, выражающие потребление и условия жизни, так сказать, в натуральных величинах. В конце концов, денежные доходы определяют только потенциальный, возможный жизненный уровень, тогда как объем потребляемых благ и услуг характеризует его прямо и непосредственно. В общем виде данные о потреблении благ и услуг рисуют ту же картину существенного, хотя и не катастрофического ухудшения материальных условий жизненной обстановки, что и доходы. Но они показывают, как именно сказывается снижение зарплаток и пенсий на составляющих жизненного уровня.

Едва ли не сильнее всего ухудшилось питание, во всяком случае — сильнее, чем одежда, жилище, бытовая техника. Важнейшее достижение 60-80 годов в сфере благосостояния состояло в том, что нищенский хлебно-картофельно-селечный тип питания, преобладавший у большинства жителей России в сталинские годы, стал заменяться современным мясо-молочно-овощным (частично даже фруктовым) рационом (см. табл. 9). За последнее десятилетие, судя по официальным показателям, значительная часть россиян вернулась к преобладанию хлебно-картофельной пищи. Среднедушевое потребление мяса, молока, животного масла находилось в середине 90-х годов на уровне конца 50-х — начала 60-х, яиц, овощей, фруктов — 70-х годов. По характеру и объему питания Россия откатилась примерно на четверть века назад.

Абсолютно понизилось и потребление многих социальных услуг, в сфере здравоохранения, просвещения, досуга (см. табл. 10, 11). Начиная с конца 80-х годов ухудшается соотношение численности населения и числа обслуживающих массовые потребности врачей (с 47 на каждые 10000 потенциальных пациентов в 1990 году до 44 — в 1995 году), медицинских сестер (со 125 до 111), больничных коек (со 138 до 126). Резко сократились многие формы культурной активности. В 1990 году в музеях побывало 144 млн. человек, в 1994 году — 62 млн., в театрах —

МИР РОССИИ. 1996. N4

56 и 32 млн. соответственно, в библиотеках — 72 млн. и 59 млн. Многократно уменьшилось число людей, которые пользовались санаториями, домами отдыха, базами отдыха — с 33 млн. в 1990 году до 9 млн. в 1995 году. Сильно ухудшилась ситуация с детскими учреждениями. В 1990 году детские сады и ясли посещало 9 млн. детей, в 1995 году — менее 6 млн., группы продленного дня соответственно 3,6 млн. и 3,0 млн., в летних лагерях в конце 80-х годов ежегодно бывало около 8 млн. школьников, в середине 90-х — 4-5 млн. (55).

Таблица 9

Потребление основных продуктов питания населением России (кг в год, на каждого члена обследованных семей)

Год	Мясо и мясопродукты	Рыба и рыбопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)	Овощи и бахчевые	Фрукты	Картофель	Хлеб и хлебобулочные изделия	Сахар
1940	23	8	124					190	11
1955	41	14	209					154	20
1960	57	13	302	141*	70*		153*	134	25
1970	72	19	382	182	82		139	134	26
1980	80	19	411	286	92	35	117	101	35**
1990	74	17	379	231	85	37	94	86	32**
1991	68	16	345	229	87	35	98	92	29**
1992	58	12	294	243	78	29	107	104	26**
1993	57	11	305	236	77	31	112	107	29**
1994	58	9	305	210	71	30	113	101	28**
1995	53	9	249	191	83	30	112	102	27**

* — Данные за 1965 год.

** — Включая кондитерские изделия

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1978 году. Статистический ежегодник, с. 377; Российский статистический ежегодник. 1994, с. 96; Российский статистический ежегодник. 1995, с. 103; Россия в цифрах. 1996, с. 64.

Разумеется, за приведенными цифрами стоят очень сложные перемены в образе жизни населения. Отнюдь не все их содержание исчерпывается сокращением возможностей социального обслуживания и отдыха. Зачастую то, что происходит теперь, есть отмирание принудительно единообразных форм уравнительно-бесплатного обслуживания и начало замены их разнообразными и свободно избираемыми медицинскими, образовательными, рекреационными услугами. Беда однако в том, что две стороны этого процесса не совпадают во времени. Старые системы обслуживания уже разрушены, а новые еще не освоены — главным образом, потому, что не сформировался новый уровень заработков и пенсий, а отчасти, вследствие преобладания прежних привычек, в частности, старых представлений о нормальных соотношениях затрат на предметы и услуги.

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

Таблица 10

Медицинское обслуживание и здравоохранение

Годы	Численность врачей		Численность среднего мед. персонала		Число больничных коек	
	тыс. чел.	В расчете на 10000 чел. населения	тыс. чел.	В расчете на 10000 чел. населения	тысяч	В расчете на 10000 чел. населения
1970	378	29	1212	93	1649	113
1980	561	40	1585	114	1802	130
1990	695	47	1817	123	2038	138
1991	658	44	1692	114	1999	135
1992	663	45	1684	114	1940	131
1993	668	45	1647	111	1995	129
1994	663	45	1587	108	1874	127
1995	653	44	1628	111	1851	126

Источник: Российский статистический ежегодник. 1995, с. 166; Уровень жизни населения России. 1996, с. 178.

Таблица 11

Социально-культурное обслуживание и образование (млн. чел.)

Год	Число детей в дошкольных учреждениях	Число учащихся в общеобразовательных школах	Число учащихся в средних специальных учебных заведениях	Число студентов вузов	Число детей, отдыхающих в детских оздоровительных лагерях	Число посещения театров	Число посещения музеев	Число отдохнувших в санаторно-курортных учреждениях, базах отдыха и т.п.
1970	5,7	25,2	2,6	2,7		69,8	64,8	
1980	8,1	20,2	2,6	3,0	8,4*	71,0	88,2	26,7**
1990	9,0	20,9	2,3	2,8	7,2	55,6	144,0	32,7
1991	8,4	20,9	2,2	2,8	5,8	50,5	114,4	20,8
1992	7,2	21,0	2,1	2,6	4,4	44,2	95,0	13,3
1993	6,8	21,0	2,0	2,5	5,0	41,4	79,8	11,2
1994	6,1	21,6	1,9	2,5	4,6	34,6	62,5	8,9
1995	5,6	21,5	1,9	2,7	5,1	31,6		8,8

* — Данные за 1988 год

** — Данные за 1985 год

Источник: Российский статистический ежегодник. 1995, с. 113, 115, 121, 133, 135, 155, 157, 178, 184; Уровень жизни населения России. 1996, с. 180, 184, 189, 191

Вероятно, восстановить уровень медицины, образования, досуга удастся довольно быстро, возможно, быстрее, чем питание. Но как бы то ни было, сегодня конституционные права на отдых, охрану здоровья и медицинскую помощь, на образование и участие в культурной жизни обеспечиваются менее надежно, чем в 80-е годы. В более широком смысле, подобное положение, как и ухудшение питания, означает отступление от права на достойный уровень жизни.

На фоне абсолютного уменьшения показателей питания и социального обслуживания показательным представляется то обстоятельство, что

МИР РОССИИ. 1996. N4

в 90-е годы ничего подобного не произошло в отношении одежды, жилья, домашнего имущества. Размеры жилищ и насыщенность быта техникой за это время ничуть не сократились (см. табл. 12, 13). В 1985 году на каждого жителя России приходилось 14,9 кв. м. жилой площади, в 1990 году — 16,4 кв. м., в 1995 году — около 18 кв. м. (56).

В расчете на 100 домохозяйств распространенность основных домашних устройств, в первую очередь, телевизоров, холодильников, стиральных машин, т.е. предметов уже прочно вошедших в быт, осталась неизменной или немного выросла (примерно в той же пропорции, что и в 80-е годы). Те же имущественные блага, которые еще только входят в нашу жизнь, продолжали распространяться как и раньше и даже быстрее. Особенно стремительно нарастает число личных автомашин. В 1980 году на 100 семей приходилось 10 автомобилей, в 1990 году — 18, в 1995 году — 29. В городах почти такая же доля домохозяйств — 20-25% — имеет второе жилище для летнего отдыха — садовые домики, дачи, дома в деревне (57).

Таблица 12

Жилищные условия населения

Годы	Размеры жилища (кв.м. общей площади на одного жителя)	% домохозяйств, проживающих в жилищах разного типа				% домохозяйств, имеющих дачу, дом в деревне, садовый домики
		в отдельных квартирах	в отдельном доме или части дома	в коммунальных квартирах, подвалах и т.п.	в общежитиях	
1986	14,9*	65	19	11	5	
1989	16,4**	69	17	9	5	
1991	16,5	75	13	9	6	
1994	17,7	68	23	4	5	15
1995	18,1	72	19	4	5	17

* — Данные за 1985 год

** — Данные за 1990 год

Источник: Уровень жизни населения России. 1996, с. 149, 153; Россия в цифрах. 1996, с. 106.

Таблица 13

Обеспеченность населения предметами длительного пользования и автомашинами (единиц в расчете на 100 семей)

Годы	Телевизоры	Радиоприемники	Магнитофоны	Холодильники	Стиральные машины	Электробытовые приборы	Легковые автомашины
1980	91	92	28	89	76	32	10
1990	111	99	58	95	77	51	18
1991	112	100	59	95	78	52	19
1992	114	102	60	95	79	52	21
1993	115	103	62	95	80	53	23
1994	116	103	62	95	81	53	26

Источник: Уровень жизни населения России. 1996, с. 61.

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

Рассуждая абстрактно, можно, конечно, предположить, что за средними показателями скрываются противоречивые тенденции: в одних домохозяйствах имущество и жилье улучшаются, тогда как в других ухудшаются. И в самом деле, имеются сотни тысяч, даже миллионы семей, где одеваются хуже, имеют меньше бытовой техники, живут в худших жилищных условиях, чем раньше. Но когда речь идет о благах, которыми обладает подавляющее большинство домохозяйств, вроде телевизоров или жилищ, средние показатели (как и в отношении продуктов питания) выражают именно преобладающие тенденции. Даже если средние показатели характеризуют перемены в обеспеченности бытовыми благами, имеющимися у 1/4 или 1/3 населения (как дачи и автомашины), они чаще передают действительную направленность процессов. Все-таки у нас доля домохозяйств, владеющих несколькими машинами или дачами, пока еще так мала, что вряд ли это может изменить порядок средних величин.

В общем, сдвиги в обеспеченности основной массы населения жильем и домашней техникой в 90-е годы оказались прямо противоположными тому, что случилось с питанием и массовыми формами социального обслуживания. Противоположность эта выглядит тем более удивительной, что питание представляет собой одну из самых настоятельных, наименее эластичных человеческих потребностей. Опираясь на здравый смысл, можно было бы думать, что обеднение, вызванное дороговизной (а не физическими нехватками), скажется на питании в последнюю очередь. Большинство, вроде бы, должно экономить на еде после того, как будут "ужаты" все другие расходы. Да и житейские наблюдения показывают множество примеров именно такого поведения, особенно когда дело касается пожилых и престарелых людей. Тем не менее, в целом, по преобладающим средним показателям (которые, как уже упоминалось, характеризуют в данном случае положение большинства), опережающими темпами у нас ухудшилось как раз питание. (Заметим попутно, что факт опережающего ухудшения питания не опровергается и подозрением — не совсем беспочвенным — в завышении прежней советской статистикой цифр потребления пищевых продуктов в 70-80-е годы, поскольку подозрение в равной мере относится и к показателям имущественной обеспеченности.)

Различные составляющие уровня жизни у основной массы россиян изменялись в 90-е годы, если так можно выразиться, в "молодежной" последовательности. В рамках этой последовательности недоедание предпочтительней отсутствия модной одежды или предметов, символизирующих следование почитаемым образцам и принадлежность к почитаемым группам сверстников. Похоже, что разумное объяснение подобной ситуации заключается в том, что на время трансформационного кризиса пришелся период коренных сдвигов в структуре потребностей широчайших слоев народа. Модернизация российского общества в 80-90-е годы и его открытие Западу вызвали резкое усиление тяги к сближению с общемировыми стандартами потребления. Современная (и быстро меняющаяся) одежда, электронная техника, автомашина, просторное жилище являются неотъемлемыми элементами такого потребления. В момент перемен, связанных со становлением новой структуры предпочтений, когда новые виды благ распространяются и укореняются в быту, — в это время (и на это время) обычная иерархия потребностей

может ослабнуть. Стремление к использованию определенных имущественных и технических благ, к их дальнейшему освоению, в подобные периоды бывает сильнее естественной потребности в пище.

Применительно к вопросу о снижении благосостояния и обеспечении права на достойный уровень жизни изменение иерархии потребностей важно не только потому, что оно облегчает понимание более быстрого ухудшения питания. В свете представления о растущих потребностях иначе выглядит и другая сторона этого соотношения — некоторое улучшение имущественного и жилищного положения. В эпоху, когда быстро меняются и интенсифицируются потребности, первостепенное значение приобретает не столько улучшение, сколько то, что оно происходит медленно, а во многих случаях касается лишь меньшинства населения. Для человека в современной России важно не одно лишь увеличение просторности его жилища с 15 до 18 кв. метров на душу, но и то, что в западном жилье на человека приходится в среднем 40-50 кв.м (58). Не только то, что теперь собственную машину имеет у нас каждая третья семья, а не одна из десяти, как несколько лет назад, но и то, что в Европе и Америке машины давно уже есть практически у всех. Медленное улучшение жилой и технической обеспеченности большинства при стремительном росте потребностей в такой обеспеченности означает своего рода относительное обеднение. Относительный недостаток имущества или жилья несравнимо лучше абсолютного ухудшения питания или социальных услуг, и это служит еще одним подтверждением объективной некатастрофичности жизненной обстановки. Сомнительно, однако, что положительные сдвиги в жилищных условиях, имущественной обеспеченности, потреблении промтоваров, сводящиеся всего лишь к тому, что ухудшение имеет не абсолютный, а относительный характер, способны возместить спад в других сферах благосостояния.

Во всяком случае, в массовом сознании этого не происходит. Народное большинство оценивает сегодняшний жизненный уровень как крайне невысокий, заметно более низкий, чем в прошлом. Почти 88% опрошенных в представительном обследовании взрослого населения России, проведенном в марте 1996 года, заявили, что живут бедно, около 70% — что у них нет возможностей повысить уровень жизни. В том же обследовании 52% утверждали, что их семьи находятся в плохом или очень плохом материальном положении. Всего 2-3 года назад в аналогичных обследованиях 1993-1994 гг. о плохом материальном положении говорили лишь 40% опрошенных.

Снова повторим, объективно в современной России происходит не всеобщее и равномерное ухудшение материального благополучия, но противоречивое и разнонаправленное изменение составляющих его жизненных обстоятельств, одни из которых отягощаются, а другие облегчаются. Однако улучшения носят столь ограниченный характер и, главное, они так резко отстают от потребностей, что в массовом сознании вся совокупность перемен воспринимается как общий спад материального уровня жизни. И это массовое ощущение есть такой же объективный факт социальной действительности, как и реальные показатели потребления.

Более того, стремительное падение благосостояния, усугубляемое его неожиданностью, тем, что спад произошел в момент, когда в обществе преобладало эйфорическое ожидание немедленного рыночного

Л.А. Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

процветания, — такой спад накладывает отпечаток на оценку состояния всех социально-экономических прав в целом. Во всероссийских обследованиях 1995-1996 гг. задавался вопрос о том, насколько полно соблюдаются в нашем обществе права на труд, на образование, на отдых и т.д. Понятно, что подавляющее большинство опрошенных, отвечая на этот вопрос, не задумываются о разделении каждого из упомянутых прав.

Да отдельный ответ тут и невозможен, поскольку они объединены в одном вопросе. Очевидно, что речь идет о соблюдении именно совокупности социально-экономических прав человека. Тем показательнее, что и в 1995 году, и в 1996 году лишь 15-20% взрослого населения России сочли, что в нашем обществе полностью или хотя бы по большей части соблюдаются права на труд, отдых, образование и им подобные. 65-70% взрослых жителей сегодняшней России думают, что они совсем или по большей части не соблюдаются (см. табл. 14) (59).

Таблица 14.

Общественное мнение о соблюдении права на труд, на образование, на отдых и т.д. (по итогам Всероссийского выборочного опроса в январе 1996 г.)

Категории опрошенных	% опрошенных, считающих, что права на труд, образование, отдых и т.п.:			
	полностью или по большей части соблюдаются	совсем или по большей части не соблюдаются	затрудняются ответить	итого
Все опрошенные	18	67	15	100
Возрастные группы				
моложе 30 лет	22	63	15	100
30-49 лет	17	70	13	100
50 и старше	16	67	17	100
Образовательные группы				
высшее образование	19	70	11	100
среднее образование	18	69	13	100
начальное образование	18	64	18	100
Социально-профессиональные группы				
специалисты	16	72	12	100
служащие	15	75	10	100
рабочие	19	68	13	100

Источник: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996, № 2, с. 65, 67.

При этом негативная оценка положения с социальными правами отличается редкостным ныне единодушием. В современной России общественное мнение обычно раскалывается по возрастным, поколенческим, культурно-образовательным группам. В ответах более молодых, более образованных людей и людей, живущих в крупнейших городах, чаще выражается поддержка рыночным переменам, положительное отношение к ним; пожилые, менее урбанизированные и менее образованные люди обычно придерживаются иного мнения. В восприятии социально-правовой ситуации такого различия нет. Народное большинство во всех

своих слоях считает, что социальные права в современной России не соблюдаются (см. табл. 14). В объективном мире социально-правовая ситуация меняется противоречиво. В мире массового сознания противоречий нет: господствует убеждение, что социально-правовая ситуация только ухудшается.

**14. Невыплаты заработков и пенсий.
Современная оплата труда как решающее условие
улучшения нынешней социально-правовой ситуации**

Тяготение массового сознания к отождествлению спада благосостояния с всеобщим несоблюдением социально-экономических прав заставляет снова задуматься о своеобразии развития этих прав вследствие их историко-культурной и ресурсно-экономической обусловленности. Подобное отождествление, если оно утвердится во мнении народного большинства, грозит усилением утопических и, в конечном счете, реакционно-недемократических представлений о социальных правах человека. У постсоциалистической России нет реальной возможности обеспечить в короткие сроки достойный уровень жизни, отвечающий современным стандартам (которые уже известны народному большинству и восприняты им). Как уже упоминалось, тут нужны не годы, а пятилетия и десятилетия, если не поколения. В таких условиях превращение права на достойный уровень жизни в центральный пункт текущей, сегодняшней борьбы за социально-экономические права таит серьезную опасность.

Безоговорочное выдвижение на первый план права на немедленный подъем благосостояния, скажем, до западного уровня, будучи абстрактно вполне справедливым и соответствующим состоянию массового сознания, обернется поддержкой нереализуемых требований. Правозащитная активность в подобных обстоятельствах либо вызовет всеобщее разочарование из-за своей беспомощности, либо станет союзником антидемократической утопии, не желающей считаться с объективными ограничениями. (Кстати, в такое положение попали некоторые экологические движения, стремление которых немедленно осуществить нереальные требования, толкнуло к националистическому экстремизму, якобы способному осуществить в России то, что невозможно в других странах.) С другой стороны, полное отрицание связи прав человека с обеспечением достойного уровня жизни — напомним, что предложения этого рода также циркулируют в общественном мнении — скорее всего, поведет к изоляции, к полному выпадению правозащитных идей из народного сознания.

Справедливые и популярные, но нереализуемые немедленно, социальные права должны быть органической частью правозащитных идей и правозащитной активности. В обосновании, развитии, отстаивании этих прав выражаются долговременные, стратегические устремления правозащитного движения в социальной сфере. Осуществление этих устремлений станет практически возможным тогда и постольку, когда и постольку будет преодолен трансформационный кризис и начнется экономический подъем, полностью утвердятся рыночно-демократические порядки. Однако правозащитные действия в социальной сфере не могут и

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

не должны быть направлены к достижению одних только отдаленных перспективных целей. Защита социальных и экономических прав приобретает реальный смысл лишь при условии, что одновременно она увязывается с решением проблем, где соблюдение и применение этих прав может быть улучшено немедленно или в ближайшем будущем.

Характеризуя главные перемены в социально-экономическом положении трудящихся, мы уже отмечали некоторые проблемы, разрешение которых поведет к немедленному улучшению социально-правовой ситуации. Особенно очевидны такие возможности в области социально-трудовых отношений и развития профсоюзов. Вместе с тем в последние годы (1994-1996 гг.) особую актуальность в ряду социально-экономических проблем, где несоблюдение прав человека может быть устранено немедленно, получили вопросы, связанные с массовыми невыплатами зарботков и пенсий. Общественное значение невыплат обусловлено как чрезвычайными тяготами, которые они создают для тех, кого непосредственно затрагивают, так и силой воздействия этих задержек на социально-политическое состояние страны в целом.

Впервые задержки с выплатой зарботков получили заметное распространение после либерализации цен в 1992 году. Тогда, казалось, что главной причиной таких задержек является технический недостаток денежных знаков, необходимых для обслуживания оборота в выросших ценах. Расширение денежной массы как будто решило эту проблему. Во всяком случае, в течение полутора лет невыплаты зарботков практически не были заметным элементом трудовых отношений.

Однако в конце 1993 года положение стало круто меняться (см. табл. 15).

Судя по массовым опросам, к концу этого года около 50% занятых получали заработанные ими деньги с теми или иными задержками. Конечно, опоздание на несколько дней не создавало чрезвычайных трудностей для большинства работников. Однако почти 11% опрошенных в конце 1993 года сообщили, что получили заработанные и начисленные деньги с опозданием в месяц или более.

О росте длительных задержек свидетельствует и государственная статистика. По ее данным объем задолженности по зарплате составлял в конце 1993 года 81% от месячного фонда зарплаты на предприятиях, где такая задолженность имелаась. В начале 1993 года этот показатель равнялся 58% (60). Для основной массы трудящихся, живущих по преимуществу от получки до получки, месячная задержка создает очень серьезные бытовые трудности, а многих ставит перед необходимостью залезать в долги и экономить сверх меры. Кроме того, в условиях инфляции откладывание выплаты на месяц или более означало прямой вычет из зарплаты, поскольку никакой индексации задержанной зарплаты не производилось.

Что же касается многомесечных невыплат, они для немалого числа семей оборачиваются прямой бытовой катастрофой (да и инфляционный вычет приобретает здесь очень большие размеры). Особенно чувствительны длительные невыплаты на Севере, где нет подсобных хозяйств и огородов, помогающих перебиться до получения денег.

В 1994 году и начале 1995 года невыплаты заработной платы в нормальные сроки приобрели еще более массовый характер. По данным официальной статистики, в это время от трети до половины предприя-

МИР РОССИИ. 1996. N4

тий и организаций имели задолженность по оплате труда. Размеры ее на конец 1994 года достигли 143% месячного фонда оплаты труда предприятий, имеющих такую задолженность. Опросы самого населения показывают, что в 1994 году и весной 1995 года те или иные затруднения, связанные со своевременным получением зарплаты, коснулись более чем 60% занятых. Сюда входит 15-20% работников не получивших заработную плату по месяцу и больше. Летом и осенью 1995 года положение чуть улучшилось. Однако зимой 1995/1996 года невыплаты зарплаток снова стали распространяться стремительными темпами.

Таблица 15

Распространенность задержек заработной платы (по материалам Всероссийских выборочных опросов 1993-1996 гг.)

Время опроса	% опрошенных, которым зарплата за месяц, предшествующий опросу, выплачивалась своевременно и несвоевременно			итого опрошенных
	получившие зарплату полностью и своевре- менно	получившие зарплату или часть ее с за- держкой менее месяца	опрошенные, у которых зарплата задержана на срок более месяца (вовсе не получили за прошлый месяц)	
Март 1993	62	31	7	100
Декабрь 1993	48	41	11	100
Март 1994	38	43	19	100
Июнь 1994	41	37	22	100
Ноябрь 1994	40	41	19	100
Март 1995	43	40	17	100
Июль 1995	48	40	12	100
Март 1996	31	45	24	100
Май 1996	37	36	27	100

Источник: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996, № 4, с. 52.

Общая сумма задолженности в январе 1996 года опять поднялась до 141% месячного фонда зарплаты на предприятиях-должниках. В марте 1996 года доля работников, не получивших зарплату полностью и вовремя составила, согласно всероссийским опросам, почти 70%. 20-25% работников не получали заработанных денег больше месяца, кое-кто в течение 3-4 месяцев, а то и полугода (61). В осенне-зимние месяцы 1995/1996 года впервые массовое распространение получили задержки пенсий. В ходе президентской избирательной кампании весной 1996 года были предприняты энергичные и широко освещаемые усилия по борьбе с задержками зарплат и пенсий. Но и эти усилия имели лишь ограниченный успех: на протяжении весенних месяцев удавалось сдерживать рост невыплат, однако никакого заметного сокращения общей суммы задолженности по зарплате и пенсиям не произошло. Летом 1996 года она опять начала стремительно расширяться (62).

Похоже, в 1994-1996 годах у нас сложилась невиданная нигде в мире и абсолютно неправовая ситуация, когда значительная часть работающего населения не имеет возможности получить собственные, зара-

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

ботанные и начисленные деньги. Работающие люди, будучи заняты и выполняя свои трудовые обязанности, с точки зрения оплаты труда, попадают в положение чуть ли не безработных, не способных содержать себя и семью. В подобных условиях задержки зарплаток становятся центральным пунктом и главной формой нарушения социально-экономических прав человека. Все остальное — общий недостаточный уровень заработной платы и пенсий, ухудшающееся потребление, тяжелые условия труда, даже угроза безработицы — ощущается сегодня с меньшей остротой. Не потому, что остальное не важно, а потому, что ежемесячные невыплаты того, что заработано, совершенно непереносимы. Закономерно, что в 1994-1996 гг. невыплата зарплаток оказывалась причиной социально-трудовых конфликтов несравнимо чаще, нежели общий недостаточный уровень оплаты труда, его несоответствие дороговизне и т.п. В опросах этого времени рабочие и служащие, говоря о том, из-за чего возникали конфликты на их предприятиях, упоминали задержки зарплаты в 30-35% случаев, а уровень зарплаток — в 20-25%, условия труда — в 8-10% случаев (63).

Непереносимость длительных задержек заработной платы усиливается, помимо создаваемых ими материальных трудностей, вызывающей социальной несправедливостью и неоправданностью подобных задержек. Большинство работников понимает или хотя бы смутно ощущает, что массовые невыплаты заработной платы не являются неизбежными (как многие другие трудности переходного времени), что они могут быть устранены в относительно короткие сроки.

Разумеется, тут не нужно впадать в противоположную крайность, сводя всю проблему невыплаты зарплаток к ошибкам и злоупотреблениям. Массовая задолженность по оплате труда обусловлена, в первую очередь, объективными обстоятельствами. Она есть часть общей гигантской задолженности предприятий, закономерно возникающей в обстановке развала госсocialистической экономики и трансформационного кризиса. При переходе к рынку обнаруживается, что значительная часть предприятий и отраслей, сформированных в госсocialистическом народном хозяйстве, неэффективны в рыночной экономике. Общество не может позволить себе их одномоментное, немедленное уничтожение, связанное с тем, что десятки миллионов людей будут выброшены на улицу без средств к существованию. Процесс этот надо растянуть во времени, сделав его более или менее постепенным.

К сожалению, в кризисной ситуации постепенность обычно оказывается очень грубой и несбалансированной (и тут как раз огромную роль играют субъективные слабости). Очень многие неэффективные предприятия ничего не меняют в своей деятельности, и постепенность их преобразования заключается просто в том, что они сохраняются с государственной помощью, не подвергаясь переменам, санации, банкротству. Неизбежным следствием их сохранения оказывается задолженность как по зарплате собственным рабочим, так и больше всего предприятиям-поставщикам. Традиционная директорская солидарность (иногда объясняемая привычками социалистического хозяйствования, верой, что государство снимет долги, а иной раз социально оправданная), равно как и отсутствие неотвратимости банкротства ведут к тому, что работа с поставками в долг может продолжаться очень длительное время. В итоге, гигантская сверхнормативная задолженность появляется

у всех связанных друг с другом предприятий, в том числе и у предприятий достаточно эффективных. В 1995 году среднемесячная сверхнормативная задолженность российских предприятий превышала объем валового внутреннего продукта, создаваемого в стране за месяц.

При общей огромной задолженности закономерно возникают задержки с выплатой зарботков. Необходимость оплатить другие долги, которые считаются более неотложными, оборачивается отсутствием средств для выплаты зарботков. Однако необходимость оплаты иных долгов прежде зарботной платы далеко не всегда является объективной. Гораздо чаще она связана с налоговыми инструкциями или с традициями госсциалистического хозяйствования, при котором нужды "всенародного" производства всегда были важнее потребностей отдельного человека. Другой вопрос, что раньше это несоответствие проявлялось не в задержках зарплат, а, скажем, в ее низком уровне или экономии на условиях труда.

Немалое значение имеет тут и недалновидная политика некоторых государственных органов, которая время от времени пытается затыкать дыры бюджета посредством задержания зарботной платы бюджетникам, несвоевременной оплаты госзаказа и т.д. В таких случаях именно действия государства (наряду с поведением нерентабельных предприятий) становятся спусковым механизмом, ведущим к нарастанию задолженности в целых цепочках взаимосвязанных предприятий. Вскрывшиеся в 1996 году стремление администрации Приморского края использовать не по назначению деньги, специально выделенные ей федеральными органами для своевременной выплаты зарплат и пенсий, отнюдь не является исключением. Исключение составляют, скорее, напор шахтерских забастовок, заставивших провести тщательную проверку действий администрации. Нечего и говорить, что весомый вклад в совокупность факторов, затрудняющих преодоление невыплат, вносит бездонная прорва чеченской войны и связанного с нею расхищения бюджета, казнокрадства, коммерческих преступлений.

Наконец, не будучи единственной причиной задолженности, злоупотребления и ошибки многих экономических субъектов также играют очень существенную роль в ряду причин, обуславливающих рост задолженности вообще и долгов по зарботной плате, в частности. Финансовые посредники, переводящие средства, а иной раз сами руководители предприятий и учреждений, которым предназначены эти средства, пускают их на определенное время в оборот, желая получить дополнительную прибыль. Иногда такие действия вызваны искренним стремлением облегчить финансовое положение предприятия, однако очень часто в них присутствует корыстный интерес. Но в любом случае это ведет к задержкам, а то и к потере средств и следовательно к росту задолженности (в том числе и по оплате труда). По данным некоторых журналистских расследований, действия руководителей предприятий объясняют почти половину невыплат зарботной платы (64).

Неслучайность задержек зарботной платы в ситуации переходного кризиса, их обусловленность рядом субъективных и объективных причин отнюдь не означает, что с этим бедствием нельзя бороться. Наоборот, природа причин и масштабы задолженности по оплате труда позволяют устранить длительные невыплаты зарботков или во всяком случае резко сократить их в сравнительно небольшие сроки. В отличие от общего

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

недостаточного уровня зарплат и пенсий своевременную выдачу можно обеспечить до завершения общего кризиса российской экономики и полной финансовой стабилизации.

Некоторые факторы, способствующие возникновению невыплат — ошибочные действия властей, злоупотребления посредников и хозяйственных руководителей, — лишь очень косвенно связаны с экономическим кризисом. Для ослабления негативного эффекта в этих случаях достаточно административных, юридических и организационно-политических мер, мало затрагивающих экономику в собственном смысле. Правда, другие, пожалуй, наиболее важные факторы возникновения задолженности, в первую очередь, наличие большого числа нерентабельных предприятий и отраслей коренятся именно в экономической ситуации. Взятые сами по себе эти факторы не исчезнут прежде достижения экономической стабилизации. Однако массовые задержки зарплат можно устранить несмотря на сохранение значительных масштабов сверхнормативной задолженности в целом (которой — задолженности, — по-видимому, действительно нельзя избежать в условиях переходного кризиса).

Следует принять в расчет, что задолженность по оплате труда, громадная применительно к величине зарплат, составляет очень небольшую долю задолженности предприятий. По данным на середину 1995 года, невыплаченная в срок зарплата составляла меньше 5% всей просроченной задолженности, задержка на месяц и более — около 2-3%. Даже после резкого возрастания невыплат летом 1996 года их общая сумма не достигла 10% просроченной задолженности. Что касается длительных невыплат, образующих ядро проблемы, они по-прежнему не вышли за 5% от суммы всех долгов (65).

Первоочередная мобилизация средств для погашения, скажем, в течение одного-двух месяцев всех долговременных долгов по оплате труда представляется в подобной ситуации делом вполне осуществимым. В экономике, где ежемесячно оборачиваются сотни триллионов рублей, можно найти несколько триллионов, чтобы разом снять острейшую социальную и правовую проблему. Мало того, при таких соотношениях даже использование инфляционных методов, — увеличение денежной массы в пределах, необходимых для устранения многомесячных невыплат, вряд ли станет источником нетерпимого ускорения инфляции. Нужно лишь добиться использования этих средств именно для погашения долгов по зарплате, не допустить, чтобы меры по устранению невыплат уже заработанных денег стали предлогом для широкой накачки денег в экономику, списания иных долгов и т.п.

Понятно, что без активных действий профсоюзов преодолеть невыплаты нельзя. В свою очередь, успех этих действий в немалой степени зависит от того, в какой мере они будут поддержаны широкой общественностью. Определенную роль тут может сыграть правозащитная активность. Одним из самых действенных средств борьбы с невыплатами являются обращения в суд, а также разоблачение и широкая огласка правовых злоупотреблений, связанных с невыплатами. Правозащитники обладают большим опытом и умениями в действиях подобного рода и могут в этом смысле существенно помочь профсоюзам (особенно их новым структурам в провинции).

Вместе с тем очевидная справедливость, абсолютная законность и бескорыстно-гуманистический характер борьбы против невыплат в сочетании с возможностью успеха могут способствовать развитию самого правозащитного движения. В сегодняшней России не так много проблем, в решении которых право и нравственная оправданность, закон, социально-политическая целесообразность и человеческая взаимопомощь слиты столь органично, как в усилиях, направленных на ликвидацию системы невыплат заработков и пенсий. По этим же причинам, равно как и потому, что невыплаты задевают коренные экономические интересы и одновременно оскорбляют миллионы людей, ведение борьбы с ними в русле правовых усилий дает надежду на расширение правосознания в народной среде.

К тому же — и это еще одно обстоятельство, придающее особую значимость усилиям по устранению задержек заработной платы и пенсий, — преодоление их будет способствовать утверждению основ политической стабильности и социального мира в российском обществе. Длительные невыплаты зарплаты (в отличие от многих других тягот переходного времени) способны стать детонатором стихийного социального взрыва с непредсказуемыми последствиями. Народные выступления, вызванные иными социальными проблемами, имели до сих пор организованный характер. Многомесячные невыплаты в ряде случаев уже привели к тому, что от организованных видов социального протеста — забастовок, переговоров, пикетов, демонстраций — тысячи людей переходили к стихийным и почти неуправляемым действиям. Так было в 1993 году в Надыме, в 1994 году — в Анжеро-Судженске и Коврове, в 1995 году — в Брянске, в 1996 году — в Приморье, где доведенные до отчаяния люди перекрывали транспортные магистрали и оказывались на грани массового насилия. Особенно тревожно, что роль стихийного начала в упомянутых событиях становится все более значительной. В Надыме, Анжеро-Судженске, Коврове и других событиях 1993-1994 гг. стихийные действия начинались после длительных попыток добиться результата организованными методами только тогда, когда выяснялось, что эти последние не достигают цели. В 1995 году на автомобильном заводе в Брянске протест против пятимесячной невыплаты зарплаты сразу же начался как отчаянная стихийная попытка остановить движение на городских улицах. И впервые в подобных выступлениях пролилась кровь — под колесами случайной машины погибла работница. А летом 1996 года в Черногорске (Хакассия) мирный пикет, организованный местными шахтерами, которым много месяцев не платили денег, превратился в неуправляемое сборище практически за несколько минут. Лишь с трудом удалось удержать бушующую толпу от попыток растерзать руководителя городской администрации, устроить погром на рынке и на улице, где расположены дома местных богачей (66).

Не стоит также забывать, что в 1995-1996 гг. все более частыми становятся длительные задержки выплат в армии, милиции, у охраны тюрем, рабочих и служащих атомных электростанций. Летом 1996 года обстановка стала приобретать поистине безумный характер. В июле армия получила 4% средств, необходимых для выплаты денежного довольствия военнослужащим и зарплаты вольнонаемным, в августе — не получила на эти цели ни копейки. Милиция получила в июле 96% потребных сумм, в августе — 5% (67). Иерархическое строение этих струк-

Л. А. Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

тур, традиции почитания власти и подчинения руководству до сих пор удерживали военнослужащих, милиционеров, охранников, инженеров АЭС от неорганизованных действий и забастовок. Пока что протесты здесь ограничивались обращениями к общественности и голодовками. Но кто может сказать, что случится дальше, если офицеры и атомщики не смогут содержать семьи? Печать уже сообщила о попытках офицерских жен в частях, где подолгу не выплачивали денежное содержание, занять взлетные полосы военных аэродромов, т.е. повторить на военных объектах то же, что шахтеры делали на железных дорогах.

В таких обстоятельствах отстаивание элементарного экономического и гражданского права на получение заработанных денег перерастает в защиту высших народных интересов. А само это право — вполне второстепенное, частное-, с точки зрения большой исторической перспективы, — становится на какое-то время вровень с базовыми гражданско-политическими правами человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пакт был принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года в развитие Всеобщей Декларации прав человека. Советский Союз, правопреемником которого в данном отношении является Россия, ратифицировал пакт в 1973 году; пакт считается вступившим в силу для нашей страны с января 1976 года (см. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1994, № 12, с. 1.)

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Преамбула.

3. Всеобщая декларация прав человека. Преамбула.

4. Напомним в этой связи, что согласно Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются частью российской правовой системы; если положения российских законов расходятся с формулировками ратифицированных международных договоров, действуют противоположения именно международных актов (см.: Конституция Российской Федерации. Статья 15, пункт 4.)

5. Конституция Российской Федерации. Статья 7, пункт 1.

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Статья 6, пункт 2.

7. Конституция Российской Федерации. Статья 37, пункты 1-2.

8. Конституция Российской Федерации. Статья 37, пункт 5; Европейская социальная хартия. Статья 2.

9. Всеобщая декларация прав человека. Статья 25, пункт 1.

10. Конституция Российской Федерации. Статья 39, пункт 1; Всеобщая декларация прав человека. Статья 22, пункт 3.

11. Конституция Российской Федерации. Статья 30, пункт 1; статья 37, пункт 4; Всеобщая декларация прав человека. Статья 23, пункт 4; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Статья 8, пункт 1.

12. Дополнительный протокол 1988 г. к Европейской социальной хартии. Статья 2, пункт 1.

13. Всеобщая декларация прав человека. Статьи 18, 19, 20, 21.

14. Подробнее об известной ограниченности социально-экономических прав человека (сравнительно с гражданско-политическими) см.: К. Любарский. История и перспективы развития правозащитной идеи. — История, философия, принципы и

методы правозащитной деятельности. Семинар № I (Сб. материалов). М., 1992, с. 47-62; С.Сироткин. Социальные и экономические права в проекте Конституции РФ — Социальные проблемы и права человека. Сб. материалов семинара Московской хельсинской группы. Вып. 3. М., 1993, с. 35-38; Л.Богораз. Неотъемлемые права и свободы человека. — Естественные права человека. Сб. семинара Московской хельсинской группы. Вып. 4. М., 1995, с. 94-108.

15.С.Сироткин. Указ. соч., с. 36-37.

16.S.Rowntree. The human needs of labour. London, 1937.

17.Всеобщая декларация прав человека. Преамбула.

18.Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Статья 2.

19.Организация Объединенных Наций. Центр по правам человека. Права человека и работа в социальной сфере. Нью-Йорк-Женева, 1995, с. 5.

20.Там же, сб.

21.Там же, с. 6.

22.С.Сироткин. Указ. соч., с. 37.

23.Права человека и работа в социальной сфере, с. 5.

24.Ведущую роль тут сыграла одна из основательниц хельсинской группы и первый историк правозащитного движения в СССР Л.М.Алексеева. Именно в ее выступлениях и статьях была впервые высказана мысль о вероятности массового распространения идеологии прав человека через первичное утверждение в народном сознании представления о социально-экономических правах. По ее инициативе Московская хельсинская группа учла это обстоятельство в программе своей деятельности, а сама Л.М.Алексеева была в мае 1996 года избрана председателем группы.

25.Российский статистический ежегодник. 1995. М., Госкомстат России, 1995, с. 12; Россия в цифрах. 1996. М., Госкомстат России, 1996, с. 12.

26.Подробнее о развитии профсоюзов и рабочего движения в постсоциалистической России см.: Л.Гордон. Надежда или угроза. Рабочее движение и профсоюзы в переходной России. — М., 1995 (Русско-Американский фонд профсоюзных исследований и ИМЭМО РАН); Л.Гордон. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России. М., 1993 (Русско-Американский фонд профсоюзных исследований и ИМЭМО РАН).

27.Труд и занятость в России. 1995. М., Госкомстат России, 1995, с. 33; Россия в цифрах. 1996, с. 47.

28.Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень Всероссийского центра изучения общественного мнения. М., 1995, № 3, с. 89.

29.Упомянутые далее примеры давления на профсоюзы и ущемления профсоюзных прав взяты из сообщений печати. Особенно подробно материалы этого рода освещаются в еженедельном информационном бюллетене Агентства социально-трудовой информации "Хроника рабочего движения". См. также: Экспресс-хроника. М., 1995, 6 января; 1996, 7 марта; Труд, 1996, 31 августа.

30.Официальные самооценки руководства большинства профсоюзов приводятся в справочнике: Кто есть кто. Политическая Москва. 1994. Книга 2. Профсоюзные объединения и центры. М., 1994.

31.Сведения из базы данных Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

32.Экономические и социальные перемены. 1995, № 1, с. 78.

33.Известия, 1996, 3 сентября.

Л.А.Гордон

Права человека, условия труда и уровень жизни в переходной России

- 34.Э.Клопов. Трудовые отношения в ситуации кризиса. В кн.: Социально-трудовые исследования. Вып. 1. М., ИМЭМО РАН, 1995, с. 141.
- 35.Экономические и социальные перемены. 1995, № 2, с. 84-85.
- 36.Подробнее об этих наблюдениях см.: Социально-трудовые исследования. Вып. 3. М., 1995; Мировая экономика и международные отношения. М., 1994, №№ 6,7; 1995, №4.
- 37.Труд и занятость в России. 1995, с. 69-74.
- 38.Российский статистический ежегодник. 1995, с. 227.
- 39.Экономические и социальные перемены. 1995, № 3, с. 88.
- 40.Труд и занятость в России. 1995, с. 76-77; Уровень жизни населения России. 1996. Статистический сборник. М., 1996, с. 21; Российская экономика: тенденции и прогнозы. М., 1996, № 41, с. 7.
- 41.Труд и занятость в России. 1995, с. 21; Россия в цифрах. 1996, с. 46.
- 42.Труд и занятость в России. 1995, с. 97; Россия и страны мира. 1992. М., Госкомстат России, 1994, с. 32-33.
- 43.Труд и занятость в России. 1995, с. 81; Уровень жизни населения России. 1996, с 25
- 44.Труд и занятость в России. 1995, с. 15, 78.
- 45.Уровень жизни населения России. 1996, с. 21; Труд, 1996, 15 августа.
- 46.Российский статистический ежегодник. 1995, с. 77; Россия в цифрах. 1996, с. 12.
- 47 Там же; Российская экономика: прогнозы и тенденции. 1996, № 41, с. 2
- 48.Жизненный уровень населения России. 1996, с. 47.
- 49.Российский статистический ежегодник. 1995, с. 77.
- 50.Россия в цифрах. 1996, с. 53.
51. Там же, с. 56.
- 52.Там же, с. 59.
- 53.Уровень жизни населения России. 1996, с. 80.
- 54.Социально-экономическое положение России. 1995. Вып. 12. М., Госкомстат России, 1996, с. 267.
- 55.Уровень жизни населения России. 1996, с. 178, 180, 184, 190-191.
- 56.Там же, с. 149.
- 57.Там же, с. 61, 153; Россия в цифрах. 1996, с. 67.
- 58.Россия и страны мира. 1992, с. 82
- 59.Экономические и социальные перемены. 1996, № 3, с. 41, 81.
- 60.Труд и занятость в России. 1995, с. 54.
- 61.Россия в цифрах. 1996, с. 216.
- 62.Труд, 1996, 23 августа; Известия, 1996, 7 сентября; Экономические и социальные перемены. 1996, № 3, с. 42.
- 63.Экономические и социальные перемены. 1995, № 3, с. 88; 1996, № 4, с. 63.
- 64.Общая газета, 1996, № 33, 22-28 августа.
- 65.Социально-экономическое положение России. 1995. М., 1995, с. 200-204; Краткосрочные экономические показатели: Российская Федерация. Июнь, 1996, с. 39; Сегодня, 1996, 24 августа.
- 66.Л.Гордон. Надежда или угроза? М., 1995, с. 67-94; Сегодня, 1996, 8 августа.
- 67.Труд, 1996, 20 сентября.